ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
СТРАЖ
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ПРОКЛЯТЫЙ
ГОРН

Страж

Алексей Пехов

Проклятый горн

«Автор»
«Автор»
2014

Пехов А. Ю.

Проклятый горн / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», 2014 — (Страж)

ISBN 978-5-9922-1741-4

Горячий ветер стремительно рвется с юга, прогоняя суровую зиму и принося на крыльях черную смерть. Загадочный темный кузнец разжег в своем горне пламя судного дня, зловещие тени собираются в школе стражей, и не за горами время могил.Людвиг, Гертруда, Проповедник и Пугало оказались на перекрестке эпох, и путь, который они вынуждены выбрать, ведет их к гибели.

ISBN 978-5-9922-1741-4

© Пехов А. Ю., 2014
© Автор, 2014
© Автор, 2014

Содержание

История первая 6
История вторая 46
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Алексей Пехов
Проклятый горн

Роман публикуется в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

История первая
Время могил

– На нашем пути сплошные могилы, Людвиг, – с мрачной меланхолией произнес Проповедник.

Он смотрел в яму, из которой торчала почерневшая рука мертвеца. Остальное тело было скрыто под талой мартовской водой.

– Ненавижу могилы! – продолжил мой спутник, и кровь не переставая текла из его проломленного виска. – Они как оспины на теле земли. Почему мы умираем?

Я подул на клинок моего кинжала, и вьющийся вокруг него сизый дымок отпрянул, подхваченный сырым и промозглым весенним ветром. Душа, с которой мне пришлось сражаться, оказалась на удивление сильной для обычного бродяги, не сумевшего пережить зиму и замерзшего среди сугробов.

– Ты спрашиваешь у меня, друг Проповедник? Не знаю. Что об этом говорится в трудах, которые ты то и дело цитируешь?

Он, все так же неотрывно продолжая смотреть на тронутые тлением пальцы, неохотно продекламировал:

– А живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни[1]. Разве в смерти есть какая-то Его цель, Людвиг? Разве Он не любит нас? И если любит, то почему то и дело я в пути натыкаюсь на трупы?

– Я не настолько мудр, чтобы обсуждать законы жизни и смерти. Все рано или поздно умирают.

Бродящее по колючим кустам Пугало остановилось и поддержало меня горячим кивком. Оно было не против, чтобы умирали. И желательно, как можно скорее.

– Если бы я только мог плакать, то уже выплакал бы все слезы за тех, кто мертв, – между тем прошептал мой спутник. Сейчас он выглядел очень старым, уставшим и больным. Словно был не светлой душой, которая не чувствует ни холода, ни простуды, ни голода, а живым человеком.

– Ты сегодня настроен слишком мрачно. Есть основания? – осторожно поинтересовался я.

– Просто дурное настроение. Даже у таких, как я, оно случается. Скажи, тебя не тошнит от смертей? Вокруг нас всегда кто-нибудь расстается с жизнью. Неважно, плохой он или хороший. Сегодня чаша моя переполнилась и мне в кои-то веки жалко все человечество. Должен хоть кто-то скорбеть о нем.

Я убрал кинжал в ножны и отошел от ямы с мертвецом, душа которого несколько минут назад отправилась в ад.

– А мне кажется, причина в ином. Ты как с утра завел речь о темном кузнеце, так и успокоиться не можешь.

Он раздраженной сорокой глянул на меня, поджал губы:

– Этот тип опаснее стаи бешеных волков, но ты, как дурак, продолжаешь лезть на рожон. Ты будто потерял осторожность и забыл о случившемся в Крусо. Мне в двадцатый раз придется напомнить тебе о Кристине.

– Я не забыл! – Это получилось куда более резко, чем я хотел, но старый пеликан мог бы и промолчать.

---

[1] Рим. 14, 8.

Стоило закрыть глаза, и я видел заброшенное фермерское поле, на котором, точно золотые цветы, пылали огромные костры. Обугленные трупы, едва дышащая Криста и ее последние слова… Она умерла до наступления рассвета, так больше и не проснувшись. Я упустил тот момент, когда ее неглубокое дыхание остановилось, и просидел рядом с телом, пока не замерз.

С рассветом из Крусо приехали церковники. Среди них был и Роман. Он ничего мне не сказал, просто протянул флягу с крепким нарарским бренди и поспешил к сгоревшей ферме. Я глотал напиток, обжигающий губы и язык, а вокруг суетились инквизиторы, по периметру территории выстраивалась цепь из копейщиков городской роты.

Золотые костры к тому времени почти погасли, но к ним все еще никто не осмеливался приблизиться, такой они источали жар. Трупы хагжита и наемника погрузили на подъехавшую телегу, хотели сделать то же с Кристиной, но я так рыкнул на какого-то монашка, что от меня отстали до решения легата кардинала.

Роман вернулся, сказал, чтобы тело стража оставили в покое, и протянул мне кирку, себе оставив лопату. Мы направились к находящейся на невысоком пригорке березовой роще и начали рыть могилу.

Земля была промерзлой, и каждый удар по ней болью отдавался у меня в ладонях, но я не останавливался, и, когда мы закончили, кожа была стерта в кровь, а спина ныла. Я принес Кристину на руках, она оказалась маленькой и удивительно легкой. Цыган тем временем соорудил из двух молодых березок крест. Когда над могилой появилась горка земли, а Проповедник дочитал заупокойную, я протянул кинжал Кристы, которым та владела так недолго, Роману:

– Поприсутствуй при уничтожении, пожалуйста. Ты ведь можешь выступать как официальное лицо?

Он кивнул, убрал оружие, спросив:

– А что будешь делать ты?

– Уеду прямо сейчас. Возвращаюсь в Арденау.

Но цыган воспротивился этому:

– Извини, Людвиг, не получится. У нас слишком много вопросов к тебе. Придется ответить на них. – И, видя, что я колеблюсь, с нажимом произнес: – Лучше, чтобы это произошло в моем присутствии.

Он был прав. Спешить мне все равно уже некуда. Я не следопыт и не ищейка. Нагнать Вальтера, а я уверен, что он остался жив, так как его тело не нашли, или самого кузнеца – не выйдет.

Я рассказал им сказку о колдуне, который избавился от своих подельников и сбежал. Писарь все аккуратно занес в бумаги, а двое клириков в серых рясах лишь кивнули на прощание да ушли.

Когда мы прощались, Роман негромко заметил, глядя в сторону:

– Я многое знаю о волшебстве и других силах, Людвиг, но случившееся здесь и на площади Крусо приводит меня в дрожь. Он не смог уничтожить кардинала Урбана лишь потому, что мы были готовы, и благодаря ковчежцу со святой реликвией. Именно эта сила остановила золотое пламя. Но и ее он едва не преодолел. Кто этот человек? Чего он хотел? Почему сперва напал на площади, а затем прикончил этих заговорщиков?

Он все еще ждал правды, которую я не сказал.

– Поговори с ди Травинно.

– Человек, имеющий все шансы стать следующим Папой, вряд ли мне что-то расскажет. – Цыган невесело усмехнулся в усы.

– Про кардинала Урбана твердят то же самое. Кто-то из них двоих может стать Папой, если переживет нынешнего. Поговори с ди Травинно, – вновь повторил я. – Ему известно больше, чем мне.

– Его высокопреосвященство направляет меня с докладом в Риапано. Хочет, чтобы его святейшество услышал факты, а не слухи, что уже бегут по дорогам, обгоняя друг друга.

– Пусть Урбан больше не носит глаз серафима у себя на шее. Снимет и спрячет как можно лучше. И дальше.

Чуть золотистые глаза цыгана стали задумчивыми:

– Весь сыр-бор из-за этого булыжника? Считаешь, что убивший людей на площади и здесь – приходил за ним?

– Да. И Вальтер тоже так думал. Избавь кардинала от этой вещи. Увези камень в Риапано, под защиту святых стен. Спрячь в самое глубокое хранилище.

– Урбан упрям как мул. Боюсь, даже у меня не получится убедить его.

– Тогда хотя бы пусти слух, что глаза серафима у кардинала больше нет. Мол, обет завершен. Иначе тот, кто зажег огонь, снова вернется и на этот раз достигнет своей цели.

– Какой? – быстро спросил Роман.

Я лишь в который раз повторил:

– Ди Травинно знает больше меня.

Я видел, что он решает, как со мной поступить. Ему хотелось получить ответы прямо сейчас, по горячим следам. Но имя, которое я ему называл, значило многое и имело вес. Так что церковник неохотно вздохнул, поджал губы, защищаясь от холодного ветра запахнул плащ пилигрима:

– Бог с тобой, ван Нормайенн. Иди с миром.

Мы распрощались, и каждый направился своей дорогой. Он на юг, я на север – и за первые две недели марта добрался до герцогства Удальн.

Клагенфурт – третий по величине город в государстве – был у меня на пути, но я наткнулся на темную душу, и пришлось сойти с тракта.

Теперь меня окружал просыпающийся после долгого зимнего сна лес. Весенний, едва стряхнувший с себя наваждение холодов, серо-белый и голый. На маленькой полянке из-под еще не сошедшего снега пробивались сотни бледно-лиловых крокусов. Новая жизнь без всякого отвращения соседствовала со смертью.

– Мертвеца закапывать будешь? – Проповедник видел, что я собираюсь уходить.

– Чем? Лопаты все равно нет. Он больше не причинит неприятностей живым.

– Ну, значит, его похоронят лисы, да другие твари Божьи.

Я поднял со снега прямой, тяжелый рейтарский палаш с S-образной гардой и свой потертый, промокший с одной стороны от снега рюкзак. Из леса пришлось выбираться по своим же следам. Мое сопровождение поотстало, Проповедник что-то втолковывал Пугалу, а то делало вид, что рядом с ним пустое место, что страшно злило старикана.

– Чего вы там не поделили? – обернулся я, выйдя на размокшую дорогу.

Впереди виднелась какая-то деревенька, справа серые, еще не обработанные поля и снежные проплешины на них, а слева огороженные редким частоколом пустые выпасы.

– Пытаюсь достучаться до нашего придурковатого молчальника. Быть может, он объяснит тебе, что играть в догонялки с неизвестным опасно для здоровья!

– Неизвестный – вот ключевое слово. Я не знаю, кто он такой, как выглядит и чего хочет. Не говоря уже о том, в какую сторону кузнец направился после того как сжег ферму. В Клагенфурт я спешу совсем по другому делу.

– Да кому ты зубы заговариваешь?! Между прочим, я твоя невидимая совесть. И не надо смеяться! – Последние слова старого пеликана были обращены к Пугалу. – Я больше, чем ты, хожу с ним и…

– Проповедник, ты как ревнивая жена, – укорил я его. – Дай соломенной голове повеселиться. Он уже вторую неделю ходит смурной.

– Да все мы не рады тому, как обстоят дела. Если Кристина была права, и кузнец действительно намеревается распахнуть адские врата, то впору отправляться в церковь да замаливать свои грехи перед Господом, так как конец света, увы, не за горами. А насчет тебя мне давно все понятно. Одно другому не мешает. Я ведь знаю, зачем тебе в Клагенфурт. Там живет дочь колдуна Вальтера.

– И я обещал Кристине, что доставлю ее в Арденау.

Проповедник открыл рот, с неохотой закрыл его и потянул впивающийся в шею воротничок сутаны.

– Не держи в себе. Скажи, – подтолкнул я его.

– Не по-божески такое вслух произносить.

– Когда подобные пустяки останавливали твое брюзжание? – Я не мог скрыть иронию, и он пробурчал, не глядя на меня:

– Нечего связываться с отродьем колдуна. В моих краях таких топили сразу после рождения. Как котят. Очень жестоко, конечно, но зато потом проблем меньше было.

– Эм… – Я перепрыгнул через лужу. – Ты мне рекомендуешь убить невинного ребенка?

– Это он пока невинный. А как научится проклятья насылать, да дождь из жаб вызывать… Я видел, какая скотина Вальтер. Почему дочь должна быть лучше? Яблоко от яблони…

– И мне ее утопить? – с нажимом спросил я.

Он стушевался и пошел на попятную:

– Нет. Это я так… Не по законам Его наказывать тех, кто ничего не совершил. За поступки отца она точно не должна отвечать.

– Ну вот ты сам все и сказал. Тема закрыта.

На окраине деревни, по соседству с трактом, примостилась почтовая станция. Среди весеннего бездорожья, грязи, луж и талого снега домик с крышей из темной черепицы казался очень уютным местечком.

Какой-то дилижанс, выглядевший довольно богато для этих мест, запряженный четверкой игреневых лошадок, как раз собирался отправляться.

– Нам везет. – Я вскинул руку, привлекая внимание возницы, забиравшегося на козлы.

– Только для благородных, парень! Взять не могу! – отмахнулся тот. – Через два часа пойдет общественный дилижанс.

Мне совершенно не улыбалось торчать здесь, так что я воспользовался своим правом:

– Я из Братства.

Он неохотно глянул из-под широкополой войлочной шляпы и увидел сапфир на кинжале. Знал, что отказывать не резон. Многие страны давно заключили соглашение с Арденау – стражи имеют право перемещаться на любом виде транспорта, даже в графской карете, если это требуется для их работы. Городские управы обязаны предоставлять им место в дилижансах, а если такого не найдется, то помогать с покупкой лошадей.

– Тогда ладно. Залезай. Но оплата у нас дороже. Пол флорина серебром.

Проповедник присвистнул:

– А может, им еще сплясать? Это же грабеж, Людвиг! Вам пора уже было решить вопрос о бесплатном проезде! До города меньше четырех часов! За что такие деньжищи?! Или это передвижной бордель?

Не знаю, с чего он решил считать мои монеты. Брал бы пример с Пугала. То уже вскарабкалось на козлы, а с них на крышу, собираясь прокатиться с ветерком.

Я заплатил вознице, повернул массивную ручку и забрался в дилижанс. Просторный, с мягкими кожаными лавками, бархатной обивкой стен, позолоченными клепками и фигурными хрустальными светильниками на правой стенке.

– Доброго дня, – поприветствовал я пассажиров.

Их было двое. Немолодой мужчина с крупной, бочкообразной грудью, редкими волосами, густыми баками, в дорогом костюме, с золотой цепью на шее. И совсем еще юная девушка, белокожая, хрупкая, с каштановыми волосами. Судя по внешнему сходству, они были родственниками. Или отец с дочерью, или дядюшка с племянницей.

Господин посмотрел на меня хмуро. Одежда на мне была добротная, но явно не подходила для благородного, а следовательно, мне не пристало находиться рядом с ними. Прежде чем он указал на дверь, его спутница мягко намекнула:

– Это скорый дилижанс Клагенфурта, созданный для уважаемых жителей поместий Ваугта и Доргельбау. Он не берет сторонних пассажиров.

– Благодарю вас…

Я сделал многозначительную паузу, и мужчина поколебался, прежде чем назвал себя:

– Господин Клаус фон Демпп, ландрат[2] Доргельбау. А это моя дочь Ульрике. Кто вы?

– Я Людвиг ван Нормайенн, из Братства, – представился я и обратился к светловолосой девушке: – Если бы не важные обстоятельства, я не побеспокоил бы вас, госпожа.

Ландрат неохотно кивнул:

– Страж имеет право путешествовать с нами, Ульрике.

Дочь улыбнулась:

– Простите, господин ван Нормайенн, мою грубость. Я не знала. В прошлый раз в наш экипаж забрался какой-то странствующий студент в цветастом плаще, и отец выбросил его на обочину.

Клаус фон Демпп заворчал, словно старый пес. Ему явно было неприятно вспоминать об этом.

– Вы тоже направляетесь в Клагенфурт?

– Совершенно верно, госпожа.

– Были когда-нибудь там?

– Ульрике, – укорил ее ландрат. – Твоя назойливость бестактна.

Девушка виновато опустила глаза:

– Простите, господин ван Нормайенн. Я совершенно не думала вам досаждать.

– Какое милое дитя! – восхитился Проповедник, все это время сидевший рядом.

– Ну что вы. Вы мне совсем не досаждаете, – ответил я, про себя отмечая, насколько мягко двигается карета. – Я никогда не был в Клагенфурте.

– Поверьте, вы не разочаруетесь. Очень красивый город, особенно его старая часть. Ну и сады герцога возле летнего дворца. Жаль, что сейчас не апрель, когда все начинает цвести. Вы ведь из Альбаланда? В вашей стране много тюльпанов.

Я кивнул. Именно моряки-альбаландцы привезли первые тюльпаны от хагжитов.

– Если вы не знаете, где остановиться, то таверна «Два сердца и шпага» лучшее место в городе.

Проповеднику пришла в голову кое-какая мысль, и он ее тут же озвучил:

– А может, это и не милый ребенок. Может, она настолько сошла с ума от настоящего живого стража, что ночью ты обнаружишь ее у себя в постели. А потом папочка прибьет твою содранную кожу к своим воротам.

Я, как водится, оставил его слова без внимания:

– Воспользуюсь вашей рекомендацией, спасибо.

Фон Демпп благосклонно улыбнулся, отвернулся к окну. Его дочь, подложив под голову атласную подушку, прислонилась к стенке и задремала. А спустя уже полчаса крепко спала.

Ее отец, отвлекшись от созерцания весенних пейзажей, вновь заинтересовался мной и спросил негромко, чтобы не разбудить девушку:

---

[2] Глава района, одна из руководящих должностей дворянского собрания провинции.

– Вам известно, что в Клагенфурте напряженная обстановка?

Я удивленно поднял брови:

– Нет. Но если там не все так безоблачно, зачем вы туда едете? И тем более везете ее?

– Ландраты должны присутствовать на совете городской управы. А Ульрике… Хочу отправить ее к тетке, в Бьюргон, подальше отсюда. В Клагенфурте она останется на одну ночь, а затем уедет первым же дилижансом. Если честно, не думаю, что в городе что-то случится. Слава Богу, это не Лисецк.

– В чем проблема?

Тот тяжело вздохнул:

– Клагенфурт – город ремесленников. Он триста лет процветает благодаря своим мастерам, гильдиям и товарам. Цеха вечно враждовали между собой за вольности, поставщиков, внимание знати да деньги клиентов. Но теперь гильдии в первый раз объединились и начали мутить воду. Они недовольны тем, что вскоре должно произойти. Вы ведь знаете, что наш герцог увеличил плату со всех северных городов из-за нового армейского налога?

– Нет. Я редко бываю в Удальне. Намечается война?

– Обострения на границе с Лезербергом из-за угольных шахт. В январе несколько мелких стычек. – Он рассеянно погладил золотую цепь на шее. – Надеюсь, этим все и ограничится, но его светлость на всякий случай решил уделить внимание армии. Моя страна ни с кем серьезно не воевала вот уже тридцать лет. Герцог покупает флотолийские аркебузы и пушки. И набирает шесть новых рейтарских полков для усиления границы. Сами знаете, в какие суммы обходятся подобные реформы.

Я знал. Лошади, клинки, кирасы, порох, ядра, фураж, жалованье солдатам, привлечение наемных частей и прочее, прочее, прочее выльются в итоге в гору золотых флоринов.

Сегодня я был склонен к подозрениям и отметил для себя, что приграничный конфликт возник очень быстро после того, как его светлость передал под опеку Геры Эрика. Если вспомнить, что Орден имеет довольно серьезное влияние в Лезерберге и не может мстить Риапано, в отличие от герцога, которого можно подергать за усы…

Заговор вырисовывается занимательный.

Если моя теория верна, не думаю, что будет кровопролитная война. Князь Лезерберга, конечно, дружен с законниками, но не настолько, чтобы развязывать серьезный конфликт, терять людей и деньги.

– Мастеровые не желают оплачивать войну. Даже скоротечную, – понял я.

– Не желают. Урожай в прошлом году был плохой, цены на продукты выросли. Той весной уже повышали налог на армию, теперь происходит то же самое, но деньги требуют большие. Но воду, господин Ван Нормайенн, мутят отнюдь не мастеровые, а главы гильдий. С тех, кто торгует шелком, шерстью и хагжитскими пряностями, налог берут немалый. И конечно же никто из них не желает распахивать сундуки с золотом и отдавать тридцать процентов своего годового дохода.

– И поэтому гильдии предпочитают тыкать зажженным факелом в солому.

– Очень точно сказано, страж. Простой рабочий люд вспыхивает, как порох. Нужна лишь метко брошенная искра.

Он покосился на спящую дочь, и на его лице впервые появилось тревожное выражение.

– При каких обстоятельствах следует ждать неприятностей? – спросил я.

– Если совет ландратов одобрит налог.

– Слова его светлости разве недостаточно?

– У Клагенфурта ряд вольностей, которым уже несколько веков. Сперва ландраты обязаны подтвердить, что принимают налог. После их голосования городская управа из восьми избранных уважаемых жителей подписывает бумагу и отправляет ее бургомистру. И только

после его печати, обязующей чиновников собрать подати, начинает действовать приказ герцога.

Я усмехнулся, вспоминая его светлость Рихарда фон Заберга. Нрав у этого правителя был не то чтобы мягкий.

– И как часто благородные люди из ландратов вашего региона идут наперекор властелину страны?

Он вернул мне усмешку:

– Никогда.

– Сплошная никому не нужная бюрократия, – презрительно скривился Проповедник.

– Ваше решение всего лишь формальность. Вы поддержите налог.

Фон Демпп развел руками:

– Иного способа все равно нет. Нам нужна сильная армия, для этого требуются деньги. И лучше столкнуться с недовольством черни, чем с обвинением в государственной измене. Гильдии сеют смуту, но я уверен, что у них не хватит духу начать бунт. Бургомистр хорошо платит стражникам.

– Их меньше, чем горожан, – резонно возразил я ему.

– Конечно. Но совет ландратов еще в сентябре одобрил наем двух рот кондотьеров. Это почти пятьсот хорошо обученных солдат.

Угу. Хорошо обученных убийц. Кондотьеры серьезные рубаки, но северян они никогда не любили и частенько меняли хозяев. Лично я не поручусь, что, если в городе закипит, они останутся верны бургомистру. Вполне возможно, вместо того чтобы подавлять бунт, наемники пойдут грабить и насиловать.

– А кроме них? – поинтересовался я. – Есть в городе регулярные части?

– Да. Рота латников и бригада легкой кавалерии. Уверен, армия подавит любые волнения.

Я хмыкнул.

– В Лисецке тоже так думали. Народ затоптал солдат, – напомнил я ему. – Когда случается бунт, люди перестают быть людьми и превращаются в жаждущую крови толпу.

– Я их не боюсь, – рассмеялся он.

А зря.

– Когда собирается совет?

– Послезавтра в полдень. Перед этим отправлю Ульрике к сестре.

– Позвольте вопрос?

– Пожалуйста.

– Вы рассказали мне все это с какой-то целью. Рассказали, хотя не любите таких, как я. И не слишком возражали, когда ваша дочь пригласила меня в ту же таверну, где собираетесь остановиться и вы. Почему?

Несколько секунд он изучал меня, затем, признавая правоту моих слов, неохотно произнес:

– Мой отец называл вас компанией, собранной из беспризорников без роду и племени. Мелкими зверьками, из которых выращивают псов, натасканных и подготовленных для убийства. Его злило, что нам, благородным, зачастую приходится считать вас ровней и спускать многое из того, что не позволительно другим.

Я знавал подобных господ. Их страшно бесит, что у людей вроде меня есть возможности, которых нет даже у владетелей. Например, долгая, пускай и в теории, жизнь. Или право ехать с ними в одной карете. Кое-кто из баронов и ландратов решительно не может вытерпеть подобную, на их взгляд, несправедливость.

– Слышал подобную точку зрения. Она довольно быстро меняется, стоит лишь во влиятельном доме случиться необъяснимому. Тогда все принципы отметаются, и благородные господа зовут таких, как я.

– Вполне понимаю вашу иронию. – Он не показал, что ему обидны мои слова. – Но в моей стране дворяне ревностно относятся к своему положению и привилегиям. Так что, простите, господин ван Нормайенн, мало кто стерпит присутствие стража в экипаже для благородных господ. Если, конечно, сам страж не является носителем высокой крови, как двое детей нашего герцога.

Проповедник хмурился. Ему не нравилось, что его спутника считают человеком второго сорта. Старый пеликан давно привык, что лишь он может выражать недовольство моими поступками.

– И тем не менее я еду рядом с вами.

– Законы. – Его улыбка как бы говорила мне, что, не будь их, мы бы не беседовали. – К тому же я гораздо терпимее своего отца и куда меньше кичусь благородной кровью. Времена изменились.

Он откинулся на мягкую спинку кресла и вновь стал изучать проплывающий пейзаж. Но я кашлянул, привлекая к себе его внимание.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, ландрат. Если общество стража вам не слишком приятно, то почему не ограничить наше знакомство дилижансом?

– Из-за нее. – Фон Демпп кивком указал на спящую дочь. – Она всегда мечтала увидеть человека из Братства.

Сочтя, что этого ответа достаточно, ландрат сделал вид, что забыл обо мне.

– Ложь, – пропел мне на ухо Проповедник. – У этой благородной паскуды на роже все написано.

Я ободряюще кивнул, мол, выскажи свои предположения.

– Он считает, если что-то вдруг действительно начнется, то страж под одной с ним крышей защитит его семью. Вас же обычно не трогают.

Я вспомнил бунт в Лисецке, озверевшую толпу и то, как мы с Гансом улепетывали по улице. У тех, кто гнался за нами, как-то выскочило из головы, что стражей лучше не трогать.

Так что, мне кажется, фон Демпп зря надеется на защиту того, кого не слишком-то жалует.

Пугало весь вечер проторчало возле окна. Оно напоминало лисицу, почуявшую близость цыплят, и теперь во всей его позе сквозило предвкушение. А предвкушать Пугало могло только одно – развлечения, которые частенько были у него довольно однобоки, и для всех остальных заканчивались кровью и смертью.

Я тоже чувствовал напряженную обстановку в городе. Атмосфера тревоги растеклась по улицам, заползла в дома, а следом за ней, на мягких лапах, следовал пока еще не видимый, но уже ощущаемый страх. Кроме этих двух вечных спутников был еще кое-кто. Но столь призрачный, что я не готов был поручиться, что слышал шорох плаща и видел блеск луны на лезвии косы.

Люди выглядели нервными, шептались, косились на усиленные патрули стражи и наемных рот. За час до сумерек город закрыл ставни и захлопнул двери. Улицы опустели.

Когда стемнело, я зажег свечи, Проповедник присоединился к Пугалу возле его наблюдательного пункта, проводил взглядом десяток солдат в кирасах, с алебардами и факелами и высказал в общем-то здравую мысль:

– Уезжай, пока не началось. Опереди события, залезь в карету, запрыгни на лошадь, используй ноги, но беги. Времени у нас мало. Потом ландраты, точно глупые гуси, поддержат закон герцога, и, если главы гильдий хорошо обработали мастеровых, начнется погром.

– Проповедник, ты меня поражаешь своими тактическими решениями. – Я как раз снимал сапоги. – Я не могу уехать прямо сейчас и без дочери Вальтера.

– Святой Лука! Ты хоть и здоровый, но вроде не тупой! Так забери ее! Немедленно!

– Не выйдет. Их дом в Мельничьем колесе. Знаешь, что это такое? Внутренняя городская стена. Со всей ерундой, что творится, ворота закрываются за час до заката. Я узнавал у хозяйки. До утра туда не попаду. Так что расслабься. К тому же, мне никто так просто ничего не отдаст. С утра следует оформить документы.

Он хлопнул себя по лбу:

– Ах, ну да! Ведь чтобы не прицепился Орден, требуется какая-то бумажонка… как ее там?

– Право передачи родственника Братству. С подписями родителей, или попечителей, или опекунов, если только это не круглая сирота. Тогда попечителем выступает любой священник. Также требуются печати, разрешения и заверения. Да еще мать следует уговорить.

– Да отойди ты оттуда! – с раздражением обратился Проповедник к Пугалу. – На улице тьма хагжитская. Ни черта не видно.

Оно даже не шелохнулось.

– Почему Вальтер так уверен, что у его ребенка есть дар? – вновь перескочил старый пеликан на беспокоившую его тему. – Разве темные души не должны были уже найти ее?

– Если дар проявился несколько месяцев назад, то нет. Он слишком слаб. Потребуется год или два, чтобы он развился и привел к проблемам. Пока ребенок мал, темные души ему не страшны. До девяти лет точно.

– Но в Братство вы берете чуть ли не с пяти.

– Просто и мы, и Орден предпочитаем забирать детей как можно раньше, чтобы научить их как можно лучше.

– Ты ведь не только заботишься о ребенке со способностями, да?

Порой Проповедник становился очень проницательным. Я не ответил, и он едва слышно хмыкнул:

– Девочка станет заложницей в Арденау?

– Она станет ученицей. С такими же правами, как и у всех остальных детей. Но если через нее магистры смогут надавить на Вальтера, то я не сомневаюсь – они сделают это.

Он молчал, обдумывая услышанное, и я завалился на кровать, предупредив его:

– Последний вопрос. Мне, в отличие от тебя, приходится спать.

– Как ты думаешь, зачем он просил Кристину забрать дочь в Арденау? Почему не в Орден, с которым колдун сотрудничает?

– Это целых два вопроса. – Прежде чем ответить, я положил руку под голову. – Ну, если верить истории о том, что темный кузнец заплатил какому-то законнику темным кинжалом, чтобы тот в обмен отдавал ему клинки стражей… Вряд ли Вальтер сильно жаждет, чтобы его ребенок оказался в месте, полном гадюк.

– А мне кажется, что это попытка искупления. Или откупа. Это уж как тебе больше нравится. По его вине погибли несколько стражей, и теперь он отдает свое дитя в Братство.

– Проповедник, порой ты слишком хорошо думаешь о людях. Давай спать…

– Людвиг! Вставай! – Старый пеликан орал мне прямо в ухо. Такие вопли даже каменного идола подняли бы, не то что меня.

Мало что соображая со сна, я сел на кровати.

– Какого черта?! – довольно зло спросил я у него.

Комнату заполнял бледно-алый свет, льющийся из окна, и силуэт Пугала, прилипшего к стеклу, был, несмотря на глубокую ночь, прекрасно различим. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что означает это зловещее зарево.

– Твою мать! – в сердцах сказал я, поспешно одеваясь. – Началось!

– Пожар? Ну да. Горит уже несколько минут.

– Какой, к чертям собачьим, пожар?! Это бунт.

– Иисусе Христе! – перепугался тот. – А ты не путаешь? Совет по вопросу принятия налога ведь еще не собирался!

– И не соберется. Гильдии не стали ждать. Черт! Как же не вовремя!

Я услышал крики на улице, выглянул вниз, увидел фигуры с факелами. Почти с десяток пытались выбить дверь в соседнем доме, используя для этого дубовую лавку. Еще несколько человек бросились к таверне.

– Просто прекрасно! – Я оставил рюкзак на месте, забрав из него лишь деньги.

– Чего они хотят?

Пугало на вопрос старого пеликана красноречиво провело пальцем по горлу.

– Чего обычно желают люди, когда наступает беззаконие? Убить, ограбить, сломать, поджечь и изнасиловать. Не поручусь, что именно в таком порядке. – Я взял лежащий на столе палаш, пожалев, что нет при себе пистолетов. – Горожане одуреют от крови и вседозволенности и устроят такое, чего постыдились бы банды ландскнехтов.

– Но это же их город! Они же не солдаты, которые берут его штурмом! Им здесь жить!

– Когда подобные мелочи кого-нибудь останавливали? Превратиться из примерных горожан в кровожадное стадо – дело нескольких минут. Лисецк тому примером.

По лестнице застучали сапоги и башмаки.

– Он здесь? – спустя несколько секунд грубо спросили за моей дверью.

– Нет! В конце коридора. Там лучшие комнаты. – Я узнал хриплый голос хозяйки.

И он был отнюдь не испуганным.

Вновь топот. Компания направилась прочь.

Мы с Проповедником переглянулись, так как оба знали, кто снял большие апартаменты.

Загрохотали кулаки.

– Открывай, чертов ландрат!

– Господи! – кротко вздохнул Проповедник. – За что, Господи?!

Пугало проворной крысой уже юркнуло наружу. Оно не желало пропустить ни секунды происходящего действа.

– Ты должен помочь! – неожиданно сказал старый пеликан.

Взявшись за засов, я все же не удержался от колкости:

– На тебя это не похоже. Обычно ты умоляешь не вмешиваться.

Я вылетел в плохо освещенный коридор в тот момент, когда мастеровые высадили дверь и с ревом вломились к ландрату. Почти тут же раздался высокий, пронзительный девичий крик.

Хозяйка «лучшей таверны в городе» оказалась у меня на пути. Рядом с комнатами она присутствовала не без причины. И дураку понятно, кто сообщил о важном постояльце и привел жаждущих расправы горожан. Я не церемонясь отшвырнул ее в сторону, к стене, шагнув внутрь.

Помня Вион, я не собирался допускать тех же ошибок, что мы совершили с Гансом в прошлый раз. Беседы и увещевания здесь бесполезны.

Их было шестеро. Один держал вырывающуюся из его рук кричащую девчонку, двое повисли на плечах ландрата, а их товарищ безостановочно тыкал сапожным ножом благородному в грудь и живот.

Остальные наблюдали.

Мой палаш со свистом рассек воздух, опустился на плешивую голову ближайшего парня, расколов череп с противным звуком и разбрызгав мозг и кровь во все стороны.

– Какого че… – Товарищ убитого начал оборачиваться, и я ударил с отшагом назад, концом клинка, перерубив ему гортань, так что вместо того, чтобы произнести оставшиеся звуки, человек лишь захрипел, пытаясь зажать руками рану.

Убийца с сапожным ножом бросился на меня. Через мгновение к нему присоединились двое других, наконец-то отпустившие уже мертвого ландрата. Они отцепили от поясов мастеровые топорики[3], решив, что втроем без труда меня одолеют.

Четвертый, самый здоровый, продолжал держать девчонку.

Судя по нашивкам гильдий на куртках, они были сапожниками и шорниками. Ребята умели нападать толпой да дубасить одиночек, но по тому, как они двигались и мешали друг другу, становилось ясно, что с хорошо вооруженным человеком до этого никогда не сталкивались. Я отступил в коридор, обеспечив придуркам выход через узкую дверь поодиночке.

Первый сунувшийся ко мне упал на пол с перерубленной ключицей, двое других сразу же отступили назад, понимая, что так просто меня не взять. Я не дал им времени на то, чтобы придумать какой-нибудь план действий.

Атаковал одного, он парировал топориком, но мой тяжелый клинок заставил его отшатнуться. Я, сократив дистанцию, режущим движением палаша полоснул его по руке, повернувшись на левой ноге, что есть силы ударил гардой в лицо, круша зубы и челюсть.

Тут же присел, вскидывая палаш вверх и защищая голову от удара человека, подскочившего ко мне сбоку. Пнул его ногой по колену, промазал, перехватил руку и всадил широкий палаш между ребер, так что он выплюнул кровь прямо мне в лицо.

Мой клинок застрял, я, чертыхаясь, оттолкнул мертвеца, и, пока вытирал рукавом кровь, попавшую на веки, оставшийся в живых мастеровой начал действовать.

Он швырнул в меня Ульрике. Я поймал ее, точно мяч для игры в квильчио, хоть как-то смягчив падение, а после мне уже стало не до того, чтобы проверять, как чувствует себя дочь погибшего ландрата.

Я не самый маленький человек в мире, но этот детина походил на гору. Он оказался молодым черноволосым парнем, крайне разозленным тем, что я устроил здесь самую настоящую мясную лавку, разделав на грудинку и бекон его товарищей. У противника не было никакого оружия, но каждый из его кулаков напоминал молот, а руки были достаточно длинными, чтобы не давать мне воспользоваться кинжалом.

Мастеровой оказался очень подвижен, и умело загонял меня в угол. Оставалось лишь уклоняться, ощущая, как ветер то и дело проносится рядом с лицом. Я пытался зацепить клинком по его запястьям, но не успевал, так быстро мелькали его оглобли.

Я едва не споткнулся об одно из тел, и он, с ревом оказавшись рядом, схватил меня за грудки и кинул. Перелетев через стол, я грохнулся на пол, радуясь, что мне противостоит все же любитель, а не опытный боец, который бы не швырялся мной, а уже сломал шею.

Ульрике с отчаянным воплем прыгнула великану на спину, замахнулась, и я увидел в ее руке мастеровой топорик. Первым ударом она отрубила парню правое ухо, вторым рассекла лицо. Но эти раны, пускай и кровавые, не убили его.

Ремесленник, вопя, сгреб ее за шкирку здоровой лапищей, отбросил от себя, точно надоедливое насекомое. Пока он, забыв обо всем на свете, пытался нашарить в полутьме собственное ухо, я оказался рядом, оттянул его подбородок вверх, натягивая кожу на шее, и одним движением перерезал горло.

– Подыхай, мразь! – плюнула ему в лицо дочь ландрата в разорванном платье.

На улице гулко забил набат, и его звон подхватили колокола других церквей.

– Тревога? – Проповедник, в отличие от ходящего по лужам крови Пугала, стоял в дверях.

– Нет, – ответил я ему. – Призыв выйти на улицу всем, кто еще остается дома.

---

[3] Мастеровой топорик – небольшое оружие, с тонким лезвием, которое обычно носят за поясом, по аналогии с кинжалом. Является необходимым атрибутом ремесленников отдельных мастеровых гильдий.

Я убрал кинжал в ножны, с большим трудом вытащил палаш из мертвеца. Один из мастеровых, тот, кому я разбил лицо, все еще был жив. Я, не глядя на него, подошел к девчонке, стоявшей на коленях возле мертвого ландрата:

– Нам следует уходить, госпожа фон Демпп. Пока еще не поздно.

Она обернулась ко мне, и я увидел, что ее щеки мокрые от слез.

– А отец?

– Думаю, он бы не хотел, чтобы вас схватили.

Мне показалось, что она откажется и придется волочь ее силой, но девушка кивнула:

– Да. Вы правы… Конечно, вы правы.

Мы вышли в коридор в тот момент, когда снизу раздались истеричные вопли хозяйки:

– Быстрее, олухи!

Я взял Ульрике за руку, потянул за собой, в противоположную от выхода сторону. Здесь, в закутке, была еще одна лестница, заканчивающаяся люком, ведущим на чердак.

На нем висел хлипкий замок, я выломал его с помощью палаша, используя тот как рычаг. Толкнул крышку от себя, забрался, помог девушке. Сквозь окошко проникало алое зарево, бросая узкую полоску света на дощатый пол. Я увидел сваи, несколько ящиков, лопату и поломанные грабли. Ящики, на наше счастье, оказались тяжелыми. Я приволок их, поставил на люк. Это должно было задержать преследователей на какое-то время.

– И что теперь? – негромко спросила Ульрике.

– Вы боитесь высоты?

– Не знаю, – нахмурившись, ответила она. – Хотите сбежать по крыше?

– Ничего другого не остается.

– В городе ведь тоже опасно, да?

– Там, по крайней мере, не знают, что вы дочь ландрата. Ваша юбка… – Я указал на порванную ткань. – Будьте осторожны, пожалуйста.

Она быстро кивнула:

– Со своим платьем я совладаю. Просто не бросайте меня.

Я распахнул окно, выбрался наружу. Следом за мной вылезла девушка. Охнула, закачалась, теряя равновесие из-за поехавшей под ногой черепицы, и я тут же подхватил ее под локоть:

– Держитесь! Не смотрите вниз!

Она хотела мне ответить, но налетевший порыв холодного мартовского ветра, заставил ее вздрогнуть. На ней было лишь легкое платье, совершенно бесполезное по такой погоде.

На двух городских звонницах били в набат, слышались ослабленные расстоянием крики, хлопки выстрелов из аркебуз. Я быстро осмотрелся, постаравшись оценить обстановку.

На окраинах, у внешней стены и за ней, в пригородах, все было спокойно. Казалось, тамошние жители и не подозревают о том, что творится в других частях города. Ближайший пожар бушевал на соседней улице, и горело там очень хорошо. Языки пламени порой взлетали выше крыш – скорее всего, бунтовщики подожгли какие-то склады.

Я насчитал двенадцать пожаров, разбросанных по всему городскому центру, старым кварталам, мастеровым цехам. Уверен, что это не конец, а лишь начало.

– Как мы спустимся? – спросила меня Ульрике.

– Должна быть лестница. Идемте!

Я подвел ее к краю крыши, обернулся, проверяя, нет ли преследователей. Все было тихо. То ли они не догадались, куда мы делись, то ли все еще не могли открыть люк.

На дальней крыше я уловил движение – нечто небольшое и темное забралось на выступающий карниз и жадно нюхало воздух. Нечисть чувствовала смерть, выползала из укромных щелей, чтобы принять участие в кровавом пире. Уверен, что скоро дадут о себе знать и темные

души. Как старые, так и новые, появившиеся в эту ночь. Нас тварь не замечала, все ее внимание было приковано к тому, что происходило на соседней улице.

– Людвиг! – окликнул Проповедник. – Вот тут можно слезть.

Эта сторона дома смотрела во внутренний двор. Я увидел небольшой балкончик, на который было не трудно спрыгнуть, а с него вполне реально перебраться на скошенную крышу сарая.

– Я не смогу, – прошептала девушка, стоило ей оценить расстояние.

– Сможете! – возразил я. – Другого пути нет. Я пойду первым, затем поймаю вас. Хорошо?

Она с сомнением кивнула.

Я отстегнул палаш, бросил его вниз, и она вздрогнула от громкого лязга железа. Еще раз ободряюще кивнув Ульрике, взялся руками за выступ, повис, а затем разжал пальцы. Приземлившись, махнул девчонке. Высота в два моих роста ее пугала, и она нерешительно села на краю. Затем вспомнила, как это делал я, тоже повисла на руках, предоставив мне возможность любоваться тройкой кружевных юбок.

– Поймаю!

Она полетела вниз, и я подстраховал Ульрике, подхватив на руки. Дальше все пошло как по маслу. Я спрыгнул на сарай – у него оказалась крепкая крыша, выдержавшая мой вес, – помог спутнице, и уже через две минуты мы очутились на земле.

Тут же залаял цепной пес. Не обращая на него внимания, я повел девушку к забору, сильным ударом ноги выбил хлипкую калитку и шагнул в темный, узкий переулок.

– Я постараюсь вас спрятать. Этой ночью дочери ландрата на улице находиться опасно.

– Они знали, где мы остановимся. Они убивают всех, кто должен был выносить решение по налогу.

– Вы правы. Сперва их, а затем всех кто попадется под руку.

– А бургомистр? Вице-примар? Каноник?

Я покачал головой:

– Не знаю. И не хочу о них думать. Если им будет сопутствовать удача, они увидят следующее утро.

Мы вышли на улицу и тут же отпрянули назад, во тьму переулка, так как за углом загрохотали копыта. Шестеро всадников пронеслись мимо, отчаянно нахлестывая лошадей, торопясь куда-то в сторону ворот внешней стены.

– Стража, – негромко сказал я.

– Они остановят безумство.

У меня было впечатление, что ребята спешат не для того, чтобы выполнять свою работу. Скорее наоборот, их основное желание – свалить как можно быстрее и как можно дальше. Иначе отчего они проскакали не в сторону ратуши и домов богатых горожан, где сейчас, уверен в этом, льется кровь.

Ульрике дрожала от холода, и я протянул ей свою куртку, несмотря на возражения.

– У меня свитер. Мне не холодно. Надо было раньше вам отдать, но я боялся, что одежда большого размера помешает вам спуститься.

Она сразу же утонула в ней, став еще более затравленной и несчастной.

– Я отведу вас в безопасное место. Просто доверьтесь мне. И ничего не бойтесь.

Девушка лишь сжала мои пальцы, и мы поспешили по затаившейся улице.

На трупы мы наткнулись возле сада, что разбили на берегу Обводного канала. Ульрике, увидев мертвых и темную кровь на камнях, не произнесла ни звука, лишь побледнела и шагнула назад.

– Это же мастеровые. Почему убивают их? – не выдержав, спросила она, когда мы прошли мимо.

– Ландратами не ограничатся. Бьют всех. В первую очередь чужаков. Затем богачей. Потом тех, кто не в их мастеровой гильдии, или же тех, кого они ненавидят и давно затаили против них зло. Ночь – жестокое время, госпожа фон Демпп.

К утру на улицах, особенно центральных, окажется много трупов, если только городская стража и расквартированные в Клагенфурте военные части быстро не опомнятся и не возьмут ситуацию под свой контроль.

Опыт подсказывал, что как минимум четверть военных и стражи присоединятся к грабежам и погромам.

Вновь трупы. Я склонился над телом женщины, увидел, что ее ударили по голове, проломив череп, перевернул тело на живот и начал распутывать шнуровку платья.

– Что вы делаете?! – с ужасом спросила Ульрике гораздо громче, чем стоило.

– Да-да. Мне тоже хотелось бы это знать, – поддержал ее Проповедник. – На тебя это не очень-то похоже.

– Она мертва. И ей больше не нужно ни платье, ни теплый плащ. В отличие от вас. К тому же ваша одежда слишком богатая, а потому заметная. Ее следует сменить как можно скорее.

– Это так необходимо?

Я посмотрел ей в глаза:

– Да. Если вы хотите выжить.

Та поколебалась, а затем начала помогать мне раздевать труп.

– Проповедник, верти головой. Если кто-то появится, скажи.

– Уже делаю это, – ворчливо бросил тот.

– С кем вы говорите? – нахмурилась девушка.

– С одной светлой душой. Не бойтесь.

– Сегодня я боюсь только людей.

Крики раздались за соседним домом, я вскочил, держа в руках палаш и бросив моей спутнице:

– Поторопитесь.

Но кто бы там ни шумел, на улице он не появился.

– Где можно переодеться? – спросила дочь ландрата.

– О, Господи! – закатил глаза Проповедник. – Сейчас не время для скромности!

– Вот здесь. – Я указал ей на темную подворотню, которую наполовину загораживала жестяная бочка с дождевой водой. – Пожалуйста, быстрее.

– Святой Франциск Ньюгортский и все его несчастные дети! – занервничал старый пеликан. – Зная благородных дам, могу сказать, что без служанки она провозится целую вечность.

Он ошибся. Ульрике справилась за три минуты. Платье было ей почти в самый раз, а теплый плащ на плечах, темно-коричневый и длинный, подходил гораздо лучше, чем заметные ярко-голубые тряпки благородной.

За это время на улице так никто и не появился.

– Мы пойдем к внешним воротам?

– Нет. Слишком далеко. Уверен, они либо закрыты, либо их уже захватили. С той стороны недавно раздавались выстрелы…

Я осекся. Из окна ближайшего дома, светленького, аккуратного и ухоженного, с криком вывалился человек. Раздался глухой удар, и тело, дернувшись, осталось лежать на мостовой. Двое убийц высунулись наружу, посмотрели на мертвеца, увидели нас.

– Идите спокойно. – Я чувствовал, как ногти Ульрике впиваются в мою ладонь.

Убийцы проводили нас взглядами, так и не окликнув.

– Я веду вас в «Фабьен Клеменз и сыновья». Ближайшее отделение через три квартала отсюда.

– Это почти рядом с Ратушной площадью. Не лучше ли укрыться в каком-нибудь доме?

Я остановился, завидев впереди разгромленные торговые лавки и мертвецов в исподнем.

– У вас есть на примете такой, госпожа фон Демпп? – напрямик спросил я.

– Нет. – Она прижалась к стенке, обходя трупы и стараясь на них не смотреть.

– И у меня тоже. Нас попросту не пустят. Не в эту ночь. А если пустят, то существует слишком большой шанс, что выдадут.

– Но банк… Сейчас ночь. Они не работают. А если там кто-то и есть, разве клерки откроют нам дверь?

– В Лисецке они помогали людям. Три отделения спасли от резни почти сотню человек. Основное требование – вы должны быть клиентом «Фабьен Клеменз и сыновья» и на вашем счету должны храниться деньги. Много денег. Как у вас с этим?

Она задумалась:

– Отец сотрудничал с ними. Год назад он сделал мне подарок, открыл счет. Сколько там дукатов, я не интересовалась. Была только раз, когда заключали контракт.

– Уже легче. Значит, нас хотя бы выслушают.

– Люди, грабящие торговые лавки, пойдут разорять и место, в котором хранится золото. – Несмотря на сильный стресс, она рассуждала очень здраво.

– Верное предположение. Но только «Фабьен Клеменз» это не магазин, торгующий шерстью. Их еще никому и никогда не удавалось ограбить.

– Впереди опасность! – крикнул Проповедник, который, точно ищейка, рыскал по переулкам и теперь находился на противоположной стороне улицы, возле решетчатой ограды небольшой церковной часовни.

– Постойте, – попросил я Ульрике, а сам прокрался вперед и выглянул из-за угла.

Человек двадцать, все с оружием, пытались выломать ворота богатого дома. Створки оказались мощными, в ход пошли топоры.

– Смерть пособникам ландратов! – закричал пузатый мужик в фартуке портного.

– Смерть! Смерть! Смерть! – подхватила толпа, и факелы бросали на их искаженные ненавистью лица кровавые блики.

Несколько человек вытащили из церкви лавки, свалили их в груду и разожгли большой костер. Какой-то юнец, опьяненный своей удалью и вседозволенностью этой ночи, зашвырнул факел на крышу, но тот скатился по черепице, упал за забор. Идею молокососа подхватили еще несколько человек, но теперь они целились в окна. Одному удалось попасть, и факел, под улюлюканье народа, поджег штору. И в этот момент дом ожил, и с разных этажей прогремел слаженный залп восьми-девяти аркебуз.

Осажденным не надо было даже целиться. Жаждущих пробраться внутрь оказалось довольно для того, чтобы каждая из тяжелых пуль нашла свою цель. Послышались крики, в основном гневные, фасад начало заволакивать сизым дымом, толпа с ревом насела на ворота, желая как можно быстрее добраться до обороняющихся.

И тут грохнуло так, что землю у меня под ногами тряхнуло. Пугало аж подскочило, а затем, ничего не говоря, поспешило в гущу событий. У тех, кто скрывался в доме, оказалась легкая пушка, но, как видно, не имелось ядра. Скорее всего они не нашли ничего лучше, как засыпать в ствол пуль и положиться на волю создателя. Несмотря на расползающийся едкий дым, я видел, что ошеломленные люди разбегаются, на мостовой лежат раненые и убитые.

– Что там? – спросила Ульрике.

– Ничего хорошего. – Я повернул на север, обходя квартал по кругу.

Мы прошли мимо четырех домов с выбитыми дверьми. На крыльце одного плакала женщина. Увидев нас, она в страхе отступила во мрак.

Проповедник поотстал, и мы нос к носу столкнулись с шестью бунтовщиками. У одного из них в руках было копье, остальные оказались заняты тем, что сваливали награбленное добро

на подогнанную телегу. Мы их интересовали лишь до тех пор, пока они не поняли, что чужаки не претендуют на добычу. Так что мы беспрепятственно прошли дальше.

– Аптекарская улица, – сообщила мне Ульрике, когда я спросил, где мы находимся. – До Ратушной площади отсюда идти пять минут. А от нее еще две минуты до «Фабьен Клеменз и сыновья». Нам сюда.

– Постойте, – умерил я ее пыл. – Если направимся прямо, то выйдем к ратуше?

– Да.

– Не подходит. Сейчас это одно из худших мест в городе. Есть другая дорога?

Она задумалась на мгновение, прикусив нижнюю губу.

– Через общественный сквер, вдоль пруда. Направо, в тот проулок. Нет! Стойте! Вон туда.

Мы спешили под звон набата и отдаленные выстрелы, стараясь держаться стен домов. По пути кого-то спугнули – я услышал во тьме шорох, а затем быстро удаляющиеся шаги.

Сквер оказался огорожен от улицы невысоким каменным забором. Ворота мы искать не стали, перебрались через ограду, под мрачными каштанами прошли весь путь, видя, как в холодной воде пруда отражается пламя пожаров, бушующих в соседнем квартале. Алые языки, точно венцы, украшали недостроенную крышу церкви.

Пугало подошло к самому берегу и помахало нам рукой, приглашая задержаться и полюбоваться огнем. Проповедник только сплюнул:

– Даже дом Господа не пожалели, нехристи!

– Сегодня не жалеют никого, – ответил я ему, чем снова удивил Ульрике.

Но на этот раз она сообразила, с кем я беседую, и ничего не стала переспрашивать. Прежде чем выйти из-под прикрытия деревьев, я огляделся, видя лишь лежащие на улице трупы. На одном из них сидела какая-то черная лохматая тварь и лапами пыталась выломать ребра.

– Что это? – с тихим ужасом спросила девушка. – Темная душа?

– Нет, раз вы его видите. Кто-то из нечисти.

Я увел ее обратно, к каштанам, где мы столкнулись с идущим навстречу Пугалом.

– Там тварь жрет потроха мертвеца. Любопытно? – вылез Проповедник.

Пугало конечно же заинтересовало такое редкое зрелище, и оно начало ломиться через кустарник. Я посмотрел на старого пеликана с осуждением.

– А что? – с вызовом спросил тот. – У меня сегодня дурное настроение, и соломенная голова порядком раздражает. Имею право отправить его куда подальше. Да ладно тебе, Людвиг! Все равно ведь от него никакого проку!

Улица, на которую мы выбрались, состояла сплошь из богатых домов, еще не тронутых грабителями. Я только успел порадоваться, что безумие пока не дошло до этого квартала, когда из-за поворота показалась плотная масса людей, вооруженных кто во что горазд.

– Смерть сторонникам ландрата! – заорал один из них и недвусмысленно указал на нас.

Я схватил Ульрике за руку, и мы бросились бежать прочь.

Проповедник скулил и оглядывался, слыша вой толпы, преследующей нас. Люди, точно псы, почувствовавшие добычу, забывшие о заповедях, законах и правилах, подчиняясь общей звериной воле, одуревшие от крови, смерти и вседозволенности, крушили все, что попадалось им под руку. Выламывали двери в лавки и жилые дома, убивали тех, кто был не с ними или не похож на них. Жадная цепь голодных муравьев, готовых сожрать и переварить любого, а к утру, когда безумие схлынет и толпа распадется на отдельных детей божьих, забыть о совершенном, замолить грех и убедить себя, да и других, что это все делали не они. Что им пришлось так поступить, чтобы не выделяться среди остальных.

Завтра они будут рыдать над обезображенными трупами, удивляться, отчего же вдруг умер сосед, отводить взгляды от младенцев с расколотыми головами, в потрясении ходить среди пожарищ и разрушенных зданий. Не понимать, почему оправившиеся власти хватают каждого третьего, колесуют, четвертуют и вешают на столбах.

Ведь это же не они. Никто из них не хотел ничего такого. Они готовы в этом поклясться. И палачам придется слушать их рыдания да мольбы, а уставшим священникам отпускать грехи и правых и виноватых, прежде чем веревка затянется на шеях бунтовщиков. Такое уже было в Лисецке. Будет и в Клагенфурте. По сути своей люди везде одинаковые.

Но пока же на пути толпы лучше не попадаться. Меня совершенно не обрадует, если какой-нибудь раскаявшийся поутру всплакнет над моим трупом и поскачет на исповедь.

Ульрике после бега дышала тяжело, она едва не падала в обморок от усталости, страха и всего того, что успела пережить за этот час. Я подхватил ее на руки и припустил еще быстрее, оставив замешкавшегося Проповедника далеко позади.

У перекрестка я заметил нескольких солдат. Они выглядели растерянными и перепуганными. Один оказался ранен и сидел привалившись к стене, истекая кровью. Самый толстый из них, завидев меня, опустил пику, не зная, чего ждать.

– Бегите, идиоты! – рявкнул я. – Толпа идет сюда от Ратушной площади! Там человек триста!

Солдат отбросил тяжелое оружие в сторону, двое его товарищей подхватили раненого и юркнули в переулок, только их и видели.

«Фабьен Клеменз и сыновья» располагался на первом этаже богатого трехэтажного здания, судя по ажурным балкончикам, построенном еще во времена прошлого герцога. Окна закрыты стальными щитами, дверь заперта, белая вывеска с острыми черными буквами была прекрасно различима с другого конца улицы.

Я подлетел к двери, поставил девчонку на ноги, она прислонилась к стене, вздрагивая каждый раз, когда мой кулак встречался со стальной поверхностью.

– Ничего не выйдет. – Голос Ульрике звучал на удивление спокойно. – Они не дураки. И никого не пустят в такое время.

В двери открылось маленькое слуховое окошко, забранное решеткой, из-за которого на меня глядела тьма.

– Мы являемся клиентами вашего уважаемого заведения, – быстро сказал я и прежде, чем они передумали, добавил: – Я из Братства. Если не готовы впустить меня, дайте убежище хотя бы девушке. Толпа не проявит к ней жалости.

– Вашу руку, пожалуйста, – прозвучал тихий голос.

Я не мешкая сунул правое запястье в окошко, почувствовал, как кожи коснулся ивовый прутик.

– Теперь ваша спутница, господин ван Нормайенн.

Ульрике, увидев мой успокаивающий кивок, выполнила просьбу.

Тут же застучали засовы, заскрежетал замок.

– Быстрее, госпожа фон Демпп, – раздался все тот же голос. – И вы, страж, заходите тоже.

Мы оказались в темном помещении, дверь захлопнулась, и после нескольких секунд томительного ожидания кто-то открыл шторку сперва одного фонаря, затем другого, и стало достаточно светло для того, чтобы я разглядел маленького клерка со спокойным лицом и двух внушительных громил-вышибал в ливреях, вооруженных лучше гвардейцев тяжелой кавалерии.

– Кресла в дальнем конце зала. Располагайтесь, – произнес клерк. – Желаете что-нибудь выпить? Фруктов?

Ульрике нервно рассмеялась, осеклась, увидев, как подчеркнуто вежливо поднялись брови служащего, державшего под мышкой толстую бухгалтерскую книгу, и извинилась:

– Простите. Просто после увиденного сегодня предложение выпить показалось мне пришедшим из другого мира. Я не хотела вас обидеть. Простите еще раз.

– Вам не за что извиняться, юная госпожа. Но мое предложение было вполне серьезным.

– Тогда бренди, если вас не затруднит. Отец запрещал мне пить, но сегодня я ослушаюсь его запретов.

– Бренди, – бросил клерк одному из вышибал. – А вам, господин ван Нормайенн?

– Молоко.

Тот кивнул, проводил нас к креслам. Не прошло и минуты, как на столике появился тюльпанообразный фужер, наполненный янтарным напитком, и стакан с молоком. Я сделал глоток как раз в тот момент, когда сквозь стену прошел Проповедник:

– Основная толпа пошла по соседней улице, к дому каноника. Но сюда направляются человек пятьдесят. У них огонь и порох.

– Посидите здесь, госпожа фон Демпп, – попросил я.

Та кивнула, рассеянно крутя в тонких пальцах бокал.

– Бунтовщики скоро будут здесь. Они не пропустят вашу контору, – тихо сказал я клерку.

Тот глянул на меня с улыбкой, и в его темных глазах отразились огоньки фонарей.

– О да. Наша фирма слишком лакомый кусочек, чтобы пройти мимо. К сожалению, добрые жители Клагенфурта, в отличие от диких ландскнехтов, которые порой захватывают города, где есть наши представительства, не наделены чувством самосохранения. А вот жадности у них хоть отбавляй.

– Я знаю, что обычно «Фабьен Клеменз и сыновья» предпочитают не трогать. Но если у вас есть лишний арбалет или пистолет, я могу помочь вашим ребятам.

– Отразить нападение пятидесяти четырех человек? – клерк, такой же обыкновенный и неприметный, безымянный и обычный, как и все остальные работники этого уважаемого банка, покачал головой. – Это не в ваших силах. Их не испугать ни болтами, ни пулями. Но, поверьте, они сильно пожалеют, если решатся ломать дверь. Мы уважаемое заведение с серьезной репутацией и сохраняем деньги наших клиентов любыми способами. Если добрые жители Клагенфурта, в отличие от ландскнехтов, еще не знают, что лучше пройти стороной, мне придется преподать им урок.

– Каким образом?

– Так ли это важно? – Клерк поднял на меня глаза. – Вы в безопасности. Располагайтесь поудобнее. Ночь только начинается. Кстати говоря, вам письмо. Желаете получить сейчас?

– Да.

– Минуту.

Он обернулся гораздо быстрее, положил мне на ладонь едва теплый узкий конверт. Я узнал почерк Гертруды, но читать не стал, убрал за пазуху. На улице кричали люди.

Затем в дверь ударили чем-то тяжелым.

– Деньги народа! Деньги народа!

Еще один удар. И еще. Дверь вздрагивала, но держалась. Ульрике сжалась в кресле. Вышибала, наблюдавший за улицей через потайную щель, доложил:

– Собираются использовать ствол дерева как таран.

– Знаю, – клерк был занят тем, что заносил информацию в бухгалтерскую книгу. – Дадим им минуту. Сообщи, что денег они не получат, и предложи уйти с миром.

– Хорошо.

– Людвиг, это ведь не подействует! Ты же знаешь! – Проповедник едва ли не икал от волнения. – Не надо было сюда приходить. Мы загнали себя в ловушку, и когда они ворвутся, то не пощадят никого.

– Успокойся. Бояться нечего.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Я вернулся к Ульрике. Она расширенными от ужаса глазами следила за охранником, который призывал толпу разойтись.

– Вы не пьете.

Девушка пожала узкими плечиками:

– Подумала, что стоит сохранить голову незамутненной. Мы выживем?

– Здесь вы в безопасности.

От страшного удара содрогнулась вся внешняя стена здания. В ход пошел таран, и пятьдесят глоток, жаждущих несметных богатств, раззадоренных и разозленных тем, что их не пускают внутрь по первому же требованию, восторженно взревели.

– Святые мученики! – проскулил Проповедник.

– Придурки, – бросил я, глядя на клерка, продолжавшего писать. Теперь все зависело от этого человека и его терпения.

Импровизированный таран ударил еще дважды.

– Не уходят, – озвучил вышибала всем и так известный факт.

– Очень жаль. – Сотрудник «Фабьен Клеменз и сыновья» с видимой печалью аккуратно положил гусиное перо на пресс-папье. – Ну тогда у меня нет выбора. Совет управителей дал мне четкое распоряжение на сей счет.

За стеной что-то сухо затрещало, словно десятки ног раздавили яичную скорлупу, а затем наступила зловещая тишина.

– Все? – спросил клерк у охранника.

Вышибала приник к смотровой щели, с каменным лицом кивнул:

– Да.

– Что там? – Проповедник сделал шаг к стене, желая выглянуть на улицу, а затем затряс плешивой головой, отказавшись от этой мысли. – Не желаю знать. Клянусь святым Иосифом, не желаю!

Я почувствовал легкий запах жареного мяса, что начал проникать с улицы.

– Они все мертвы? – Ульрике посмотрела на меня с тоской.

– Просто ушли.

– Хм. – Она не поверила мне, но, как и старый пеликан, не хотела делать эту страшную ночь еще страшнее.

– Здесь вы в безопасности, госпожа фон Демпп. Дождитесь утра. А еще лучше – слушайтесь этого господина. Он выпустит вас, когда в Клагенфурте станет безопасно. И, думаю, позаботится о том, чтобы отправить вас к тетушке.

– Всенепременно, – кивнул неприметный человечек за стойкой. – Безопасность наших клиентов такая же важная вещь, как безопасность их вложений и переписки. Вы можете не беспокоиться за судьбу госпожи фон Демпп.

– Это означает, что вы уходите? – Ульрике вскочила с кресла, глядя на меня с отчаянием, сразу став потерянной и испуганной.

– К сожалению, у меня есть несколько дел. И их следует закончить до утра.

– Не надо! – Она вцепилась мне в запястье. – Пожалуйста! Не оставляйте меня! Отец мертв! Если еще и вы…

Дочь ландрата запнулась, и я ласково ответил ей:

– Все будет хорошо. Я должен выполнить свою работу. Поверьте, со мной ничего не случится. Без вас на улицах я легко справлюсь с любой проблемой. Мне действительно надо идти. Пока в округе затишье.

Она несколько раз вздохнула, наконец решилась и разжала пальцы. Привстала на цыпочки, едва дотягиваясь, поцеловала в щеку, как видно сама испугавшись того, что сделала.

– Я и моя семья перед вами в долгу, господин ван Нормайенн. Когда-нибудь фон Демппы выплатят его сторицей. Спасибо за все. Берегите себя.

– Расскажу твоей ведьме, какой ты белый рыцарь, – хихикнул Проповедник.

– Выпустите меня? – спросил я у клерка.

– Конечно, – ответил тот. – Вы вольны делать что хотите, но на всякий случай я настоятельно рекомендую вам задержаться здесь.

– Безопасность клиентов превыше всего? – хмыкнул я.

Он поклонился:

– Мы заботимся о нашей репутации.

– Могу я что-то для вас сделать, прежде чем уйду?

– Просто оставайтесь нашим клиентом и впредь. Удачной ночи, господин ван Нормайенн.

Он дал знак вышибале, и тот выпустил меня из конторы. Как только я сделал шаг на улицу, тяжелая дверь за мной захлопнулась.

Пугало бродило по кладбищу, в которое превратилось все пространство перед «Фабьен Клеменз и сыновья», пробуя носком ботинка то один обгоревший труп, то другой, словно не понимая, что случилось с людьми, которые совсем недавно пытались добраться до чужих денег.

Пять десятков мертвецов, больше похожих на жареные чергийские вырезки, все еще дымились, наполняя воздух горьким дымом, который щекотал гортань. Никто не выжил, и Проповедник, все же высунувший свой нос на улицу, теперь грязно ругался и крестился, следуя за мной по узким переулкам, пропахшим мочой, сыростью, мусором. Здесь сегодня не было никого, кроме крыс, они пищали в сточных канавах, целыми стайками стремясь туда, где пахло кровью.

– Это магия! Проклятая темная магия! – наконец сказал он мне.

– Не удивлен. – Несмотря на то что вокруг не было ни души, я все же оставался начеку и не убирал палаш в ножны. – Ничто лучше не защитит чужие деньги.

– Ты одобряешь сделанное?! – ужаснулся он.

– Пожалуй. Не будь у них такой защиты, мы с тобой уже бы не разговаривали.

– Людвиг! Но это же запрещено! Они не спрячут столько мертвецов! Им придется отвечать!

– Интересно перед кем?

– Перед законом. Перед Церковью, наконец!

– Проповедник, ты как маленький. Какой закон? Какая Церковь? Ты действительно считаешь, что у них нет патента на такой случай? Ты реально думаешь, что кто-то будет требовать кары?

– А разве нет?

– Раскрой глаза, дружище. Весь Риапано держит у них деньги. У князей, благородных, военачальников, стражей и многих-многих других флорины, гроши да дублоны лежат на счетах «Фабьен Клеменз и сыновья». Никто не станет связываться с банком. Особенно если тот защищал их деньги. Лучше пожертвовать пятьюдесятью никчемными дураками, чем своими состояниями.

Он основательно подумал над этим, покосился на догнавшее нас Пугало:

– Но люди все равно узнают.

– Разумеется. Отличный урок. К ним больше не полезут. Во всяком случае, в Клагенфурте.

– В Лисецке было то же самое?

– Нет. Толпа там ученая. Банки обошли стороной. Клерк не зря упомянул про ландскнехтов. Даже наемники в Лезерберге и Фрингбоу, захватывая и грабя город, не трогают «Фабьен Клеменз». Поверь, они знают, что их ждет.

– Да уж. Лучшее место для того, чтобы отсидеться в горячее время. Но уверен, что рано или поздно найдется тот, кто раскусит этот крепкий орешек. И выскребет его подчистую.

Я остановился на перекрестке, пытаясь сориентироваться среди мрачных, притихших домов, нависающих со всех сторон, точно горы:

– Если такое и случится, то не при моей жизни.

– Куда ты теперь? К Мельничьему колесу?

– Да.

– Но ты же сам говорил, что ворота закрыты до утра.

– Не во время бунта, Проповедник. Дома за стеной – лакомый кусочек для всех. Слишком богаты. Видишь же, насколько пуста эта часть города. Многие направились туда.

– Ага. Как же, – цинично произнес тот. – Если выбирать еще более узкие переулки, то здесь никого не встретишь до второго пришествия. Вокруг полно обезьян, которых по ошибке назвали людь…

Он осекся, потому что глухо заворчали пушки. Они располагались довольно далеко, скорее всего на противоположном конце Клагенфурта.

– Армия все же пытается остановить безумие, Людвиг.

– Будем надеяться, что у них получится.

Темные и безопасные проулки пришлось покинуть, выйти на улицу, где бушевали пожары. Горело по меньшей мере шесть домов, и пламя длинными языками вырывалось из окон и выбитых дверей, забиралось по стенам, пожирало крыши. В ближайшем ко мне здании прогорели опорные балки, и черепица с грохотом обвалилась внутрь, а в темное холодное небо взметнулись мириады оранжевых искр.

Улица оказалась затянута белой хмарью, а жар стоял такой, что живых здесь, среди уже разоренных домов, не было. Лишь мертвые, постепенно превращавшиеся в копченые куски плоти, и… темные души.

Две убавляющие мясо. Невысокие, плечистые, в длинных серых юбках, с грязными растрепанными волосами, творожисто-белыми лицами, на которых были лишь рты с потрескавшимися синими губами. Они, оглушенные пламенем, бесцельно бродили среди трупов, порой присаживаясь перед ними, и пытались тянуть из мертвецов силу, которой у тех давно уже не было.

– Господи. Откуда здесь взялись эти твари? – с омерзением спросил у меня Проповедник.

Убавляющие редко встречаются в городах. Это не их вотчина.

Почуяв человека, они остановились, повернули в мою сторону гладкие, точно коленки, лица, а затем неспешно двинулись навстречу. Довольно странно, при том, что эти темные сущности обладают сильным чувством самосохранения и не лезут к стражам, если только их не больше пяти-семи. Как видно, пожары затуманили их разум.

– Ушел, – бросил мне Проповедник, уже давно знавший, что не стоит находиться поблизости, когда я начинаю швырять *знаки* и *фигуры*.

Первая из убавляющих бросилась на меня стремительно, выставив перед собой мускулистые руки с почерневшими пальцами. Я встретил ее ударом ноги, схватил за волосы, крутанувшись, бросил в пламя горящего здания и тут же поднял ладонь, швыряя рубиновый *знак* в лицо второй. Она опрокинулась на спину, и я ударил кинжалом, не обращая внимания на то, что ее лапы разорвали куртку на плече.

Почувствовав движение за спиной, кувыркнулся вперед, слишком близко к жару, чтобы не замечать его, обернулся и обомлел. Еще три убавляющих перекрывали мне отступление, оставляя лишь один путь, сквозь пламя. У одной в пасти была человеческая рука, и она судорожно, словно лягушка, поймавшая чрезмерно большое для нее насекомое, пыталась проглотить ее, отчего создавалось впечатление, что темную душу вот-вот стошнит.

Теперь понятно, почему они напали. Их было не двое, а пятеро.

Что плохо в убавляющих – если они начинают охоту, то не отступят до самого конца.

Ослабляющая *фигура* легла на мостовую, и еще одна мне под ноги. Последнюю я связал со *знаком*, который сейчас втягивал в себя силу ближайшего пожара, с каждым ударом сердца вырастая в размерах. Я запустил им в эту троицу. Одна успела отскочить прежде, чем тот взорвался, две других попали под брызги невидимого огня, вспыхнули, вереща закрутились на месте и упали. Отскочившая запнулась о *фигуру*, которая выпила из нее силу, замедлив настолько, что я без труда забрал гадину кинжалом. Затем поступил точно так же с теми, что валялись на мостовой и пытались встать, чтобы до меня дотянуться.

Оставалась еще первая, которую я швырнул в огонь, но она, обезумев и ослепнув, металась среди пламени. Я не мог войти в этот горн, поэтому закинул в окно несколько взрывающихся *знаков*, надеясь, что те смогут если не развоплотить ее, то хотя бы обессилить, и убавляющая перестанет быть опасной для людей на несколько лет. У меня не было возможности ждать, когда огонь утихнет.

На соседних улицах я встретил людей. На квадратной площади, среди перевернутых рыночных рядов, веселились мастеровые. Из разоренной винной лавки выкатили бочонки прогансунского вина и наливали всем желающим. Алый, точно кровь, напиток тек в кружки, исчезал в глотках, и многие уже порядком набрались. С десяток девиц, смеющихся, растрепанных и запыхавшихся, взявшись за руки, водили хоровод вокруг позорного столба, на котором, привязанный за ноги, болтался труп в богатых одеждах.

Из верхнего, распахнутого окна на мостовую летели дорогие стулья, диваны и картины в золотых рамах. Затем настал черед старых рыцарских доспехов. Падение каждого предмета вызывало бурную радость у зрителей. Одно из кресел уцелело, и в нем восседало Пугало. За царящим бедламом оно наблюдало с толикой презрения. Впрочем, оживилось, когда среди этого пира на крови раздался женский визг:

– Благородный!

По счастью указывали не на меня, а на какого-то толстячка, который пытался улизнуть с площади.

– Я такой же, как и вы! Я не дворянин!

– Я служила у него! – не слушая увещеваний перепуганного человека, крикнула все та же девица.

Действительно ли она работала на этого бедолагу или наврала, сводя счеты с недругом, никто разбираться не стал. Народный суд вынес приговор за несколько секунд. Четверка крепких мужиков подхватила несчастного и с разбегу ударила его головой об стену. Труп с размозженным черепом кинули в груду переломанной мебели и тут же забыли о нем, вернувшись к веселой гулянке.

Отступать назад было глупо, это привлекло бы ко мне ненужное внимание, и я пересек площадь, двигаясь неспешно и без суеты. Я никого не заинтересовал, хотя у меня на рукаве и не было нашивки гильдии. Как я уже успел убедиться, довольно большой процент выбравшихся на улицы к гильдиям и вовсе не принадлежал. Первая жажда крови прошла, для появления второй надо было набраться посильнее, поэтому на людей в отличной от мастеровых одежде, если, конечно, она не бросалась в глаза своим богатством, пока не обращали внимания.

Какой-то конопатый парень со смехом протянул мне пивную кружку, до краев полную красного вина.

– За свободу! И смерть глупых ландратов! Выпей из бургомистрских запасов, друг! Эта мразь теперь-то возражать не станет! Притих, падла! – Он кивком указал на столб, где болтался труп в богатых одеждах. – Еще бы вице-примара отловить, и Господь будет благоволить к нам!

Я оставил при себе комментарий, что бог вряд ли будет рад тем убийствам, что они учинили, и взял вино. С кружкой пересек площадь, провожаемый насмешливым взглядом Пугала.

Только оно из всех присутствующих понимало, насколько сильно я сейчас ненавижу этих опьяневших от крови людей.

Ненавижу и ничего не могу сделать.

– Вот теперь-то мы заживем! – крикнул какой-то лысый детина, тиская хохочущую девицу. – Свобода без всяких ландратских ублюдков! Теперь мы решаем, что делать и за что платить, братцы!

– Придурки, – холодно произнес Проповедник, внезапно оказавшийся рядом. – Надо же быть такими идиотами! Когда они поймут, Людвиг?

Когда протрезвеют. И насытятся минутной властью, кровью и добром соседей. Только будет немного поздно. Потому что герцог Удальна не позволит, чтобы голытьба решала в его стране, кому жить, а кому умереть. Большинство из тех, кто сейчас мечтает о райской жизни и новом мире, – уже покойники. Об этом знаю я, знает Пугало и даже Проповедник. Не подозревают лишь устроившие анархию.

– Никаких налогов! Пусть герцог засунет в задницу свои указы! – едва ворочая языком, проорал валяющийся на мостовой пьяница.

Я уже собирался уходить, когда с темной улицы, размахивая факелом, прибежал взмыленный мастеровой.

– Братья! Клаус из печников со своими ребятами обложил стражей! Нужна помощь! Кто со мной?

Люди, слишком занятые дармовой выпивкой, лишь отмахнулись. Из всех, кто отплясывал на площади, за мастеровым последовали только шестеро. Те, кому не хватило то ли крови, то ли развлечений. Я переглянулся с Проповедником, отбросил кружку с вином и отправился с ними, поплотнее запахнув рваную после встречи с темными душами куртку, так, чтобы кинжал с сапфиром на рукояти не бросался в глаза.

– Стражи! – сказал, точно выплюнул, пахнущий едким потом седовласый мужик, на ходу пытаясь зарядить старый фитильный пистолет. – Дьявольские прислужники и друзья ландратов. Пока они живы, не видать нам свободного Клагенфурта.

– Это почему? – спросил я.

– Дурак, что ли? Потому, что они темные души натравят на вольных жителей, и пиши пропало. Бить их надо сразу, пока зла не причинили.

– Сегодня вообще всех надо бить, – поддержал седовласого тот, кто позвал на подмогу. – А завтра разберемся, кто свой, кто чужой.

– Рациональный подход, чтоб тебя черти выпотрошили, – бросил ему Проповедник.

Улицу перегораживала маленькая стена, которую венчала сторожевая башенка. Судя по кладке, лет двести назад это был внешний периметр обороны Клагенфурта, но город с тех пор сильно разросся, старые укрепления в большинстве своем разобрали, пустив камень на постройку домов. Эту же часть оставили и превратили в пост для стражников, который перекрывал улицу на пути к Мельничьему колесу.

Сейчас, по словам бунтовщика, там засел кто-то из Братства. Кто бы это ни был на самом деле, выкурить его оттуда будет непросто. В особенности двум десяткам горожан, у которых нет ни пороха, ни пушки, а лишь палки да топоры. Небольшое пространство перед маленькой башенкой оказалось пустым, если, конечно, не считать пяти мертвецов, в телах которых торчали арбалетные болты.

Осажденные дали понять, что будет, если кто-то к ним сунется. Теперь мастеровые прятались от жалящих болтов за перевернутыми телегами, бочками или в домах.

Проповедник, по счастью, в кои-то веки взял инициативу в свои руки, не дожидаясь моих просьб, и едва ли не галопом направился к форпосту. Я же пока присоединился к мастеровым, которые горячо обсуждали, что им делать дальше и кто пойдет на переговоры.

– Надо их выманить и прикончить, – предложил усатый мужик с серым лицом.

– На кой черт они сдались? – возразил печник с лохматыми бровями. Его звали Клаус, и он был здесь самым главным. – Что ты будешь делать со стражами, Лорген? Повесишь их шкуры на стену своей конюшни? Там! За укреплением! Прямая дорога к Мельничьему колесу и нашему богатству! Пока мы тут протираем задницы, другие грабят дома богатеев. Так что пусть стражи сваливают куда подальше. Лишь бы нас пропустили.

– Так давай обойдем…

– У Виноградных ворот закрепилась вторая рота кондотьеров. Они в пух и прах разбили пивоваров и всех, кто пытался прорваться по той дороге.

Пока главари спорили, как быть, двое особо нетерпеливых мастеровых не нашли ничего лучше, чем оторвать кусок забора и под прикрытием этого импровизированного щита, постараться миновать простреливаемое пространство. Их надеждам не суждено было сбыться.

Прилетевший из бойницы болт угодил под колено одному из них, и он упал, выронив защиту. Второй мастеровой побежал назад, оставив раненого товарища орать от боли на мостовой.

В него не стреляли.

Тем временем вернулся Проповедник.

– Там действительно стражи, Людвиг. Я их раньше никогда не видел. Но назвал твое имя. Они тебя знают. И ждут.

Уже легче. Во всяком случае, меня не подстрелят сразу.

– Я поговорю с ними, – предложил я.

Все разговоры смолкли, и бунтовщики уставились на меня.

– Тебе-то какое дело до всего этого, альбаландец? – с подозрением спросил Клаус.

– Считаешь себя единственным, кто хочет набить карманы? – усмехнулся я. – Дайте мне белую тряпку, и я смогу убедить их пропустить нас через ворота.

Люди переглянулись. Лорген с сомнением нахмурился. На их лицах читалось все, о чем они сейчас думали. Если чужака все-таки подстрелят, так и черт с ним. А если у него получится, то никто из своих не станет рисковать головой.

Один из ремесленников притащил из разоренного дома простыню и примотал ее к древку сломанной гизармы.

– Ну удачи тебе, альбаландец. – Клаус передал мне в руки импровизированный флаг.

По его глазам было понятно, что я не преодолею и половины пути. Но я, сопровождаемый Проповедником, дошел благополучно, остановился перед башней, и кованая дверь открылась.

Я шагнул в густой полумрак, услышал, как с лязгом опустился засов.

– Какими судьбами ты в этом пекле, ван Нормайенн? – спросил грубый мужской голос.

– Если это пекло, то огня и света довольно мало. Не узнаю в потемках.

– Ворон. Давай наверх, мне надо помочь жене. А ты, душа, не крутись под ногами.

Мужчина стал быстро подниматься по едва видимой серпантинной лестнице на площадку.

Ворон старше меня лет на пятнадцать, и мы несколько раз виделись в Арденау, но никогда не общались друг с другом. Страж был уроженцем Золяна и, по обычаю этой далекой страны, заплетал в косички черные волосы и бороду. Скуластый, смуглый, с чуть плоским лицом и широким носом, он походил на варваров-кочевников, но отличался от них высоким ростом и ярко-зелеными глазами.

Вторым стражем, сейчас приникшим к бойнице, оказалась Агнесса. Полная, невысокая женщина с круглым добродушным лицом и редкими, рано начавшими седеть волосами. На меня она даже не посмотрела, лишь кивнула, когда я поздоровался с ней. Агнесса была немой от рождения.

– Чего они хотят? – Ворон сразу брал быка за рога. – Вздернуть нас на ближайшем дереве?

– Их больше интересуют богатства Мельничьего колеса. Форт преграждает им дорогу. Они просят пропустить. Тогда вы сможете уйти.

Он глухо рассмеялся:

– Если бы эти придурки знали, что у Агнессы осталось всего пять болтов, они бы заговорили по-иному. Сколько их там?

– Чуть больше двадцати человек. Пока. Если с ближайших улиц подтянутся другие, то, боюсь, они разозлятся настолько, что выковыряют нас из этой раковины.

– Так пусть проходят. – Ворон пожал узкими плечами. – Скажешь им, что мы пропустим всех, если они не станут ломиться?

– Скажу. Где переждете ночь?

– Нигде. Нам надо двигаться. Покинем город как можно скорее. Возле Северной стены есть сток, уйдем через него. Ты с нами?

– Мне страшно, господин Ником, – раздался тихий детский голос из темного угла.

– Все будет хорошо, Марта, – ответил золянец. – Не бойся, никто тебя не обидит. Просто надо подождать, когда уйдут злые люди.

Я всмотрелся в полумрак и увидел перепуганного ребенка, девочку, которой едва исполнилось шесть лет. Черноволосая, темноглазая и ужасно худая.

– Кто она? – спросил я.

– Ребенок с даром. Везем в Арденау.

– Эм… Не хочу вмешиваться в ваш разговор, но не слишком ли много детей с даром для одного города в одно и то же время? – прочистив горло, произнес Проповедник.

Даже Агнесса обернулась на его слова, посмотрела на мужа, а тот на меня:

– Ты тоже приехал в Клагенфурт за этим?

– Да. Она жила на улице Стены?

– Клянусь предками, да! Получается, что мы опередили тебя?

Я посмотрел на перепуганную дочь Вальтера:

– Вы всего лишь сэкономили мое время. Бумаги оформлены?

– Все честь по чести.

– А ее мать? Отказалась уходить?

– Я не видел матери, – понизив голос так, чтобы не услышала девочка, сказал Ворон.

– Тогда кто оставил подпись? Опекун? Священник?

– Зачем же? Разрешение оформил отец.

Вот тут-то Проповедник и остался с открытым ртом. Я смог сохранить самообладание:

– Отец? Уверен?

– Вполне. – Ворон удивился моим сомнениям. – Власти подтвердили его право. А в чем дело, ван Нормайенн?

Ответить я не успел, потому что Агнесса привлекла наше внимание и жестами с раздражением показала, чтобы мы перестали болтать, а наконец-то занялись делом.

Проповедник, которого так и распирало высказаться о последних новостях, едва сдерживал себя.

– Закрой за мной.

Следовало как можно быстрее разобраться с этой проблемой, дать возможность коллегам уйти и поговорить с Вальтером.

– Ты не поменял свое решение? – на всякий случай еще раз спросил Ворон.

Мы стояли на краю опустевшей площади, Агнесса возилась с девчонкой, успокаивала ее, гладила по голове.

– У меня есть дела в городе, – уклончиво ответил я, и он перестал настаивать, лишь пожал мне руку.

– Увидимся в Арденау, ван Нормайенн. Береги себя.

– Вы тоже будьте осторожны.

Агнесса кивнула мне на прощание, пошла первой, держа арбалет наготове и оставив девочку на попечение мужа. Когда они скрылись за поворотом, Проповедник прочистил горло:

– Как ты заметил, при товарищах я не подвергал твой авторитет сомнению. Но теперь все же выскажу свою мысль. В Клагенфурте делать больше нечего. Воля Кристины выполнена, девочка найдена. Находиться в городе рискованно. А встречаться с колдуном, так и вовсе безумие.

– Мне нужны ответы, Проповедник. А никто кроме Вальтера их не даст.

– Он зажарит твою пустую головешку.

– Не с кольцом Гертруды. К тому же до этого я справлялся с ним и так.

– Угу. Оставил на его роже шрам, за что он тебя ненавидит. Слушай, мне не хотелось бы, чтобы ты помер где-нибудь в этих свихнувшихся кварталах. Еще не поздно уйти.

– Кузнец, старина. Темный кузнец, который с легкостью устраивает массовые убийства и охотится за кинжалами стражей. Вальтер знает о нем больше всех.

Я поспешил в ворота, через которые совсем недавно прошел Клаус с товарищами, и старый пеликан побежал за мной, в раздражении размахивая руками.

– Черта с два! Тебе не дает покоя, что он сбежал и бросил Кристину!

– О нет! – возразил я. – Как раз по этому поводу у меня к нему вопросов не будет. А вот о том, как их нашел кузнец, я бы очень хотел поговорить.

– Так он тебе и скажет. Что, привяжешь к стулу и начнешь отрезать ублюдку пальцы? – Спутнику не понравился мой взгляд, и он поспешно вскинул руку, словно бы защищаясь от тех мыслей, что пришли ему в голову. – Не хочу ничего знать!

Мы в молчании прошли по пустой улице, лишь по какому-то недоразумению оставленной нетронутой. Проповедник сделал последнюю попытку вразумить меня:

– Ты думаешь, Вальтер будет ждать тебя в доме? Он уже давно свалил!

– Возможно, но я все же рискну. Из Мельничьего колеса ведут всего двое ворот. Одни в руках горожан, другие под присмотром кондотьеров. Если он даже ушел, то до сих пор еще в городе. Найти его будет не сложно. – Я остановился и задумчиво посмотрел на старого пеликана.

– Что?! – тут же подозрительно прищурился он.

– Облегчи мне жизнь, приятель.

– Если бы я мог тебя связать и вытащить за городскую стену, то давно бы уже это сделал, – проворчал тот. – Быть может, подбить Пугало на такую пакость? Так чего надо-то?

– Отправляйся к Виноградным воротам, где сейчас стоят кондотьеры. И просто смотри. Если Вальтер выйдет через них, я хотя бы об этом узнаю.

– Святой Павел! И где, по-твоему, мне их искать? Я, между прочим, в городе впервые!

– Если следовать простой логике, то тебе следует идти вдоль стены. Рано или поздно в ней будет то, что тебе нужно.

Он зашипел, как целая стая рассерженных котов:

– Мне нужен только покой на старости лет, но, связавшись со стражем, я навсегда его лишился! – И уже гораздо тише закончил: – Ладно. Так и быть, окажу тебе эту очередную услугу.

– Да, ты меня очень обяжешь.

Старый пеликан, раздраженный и недовольный как «моей глупостью», так и этой бесконечной ночью, ушел в указанном направлении. Я, выждав с минуту, двинулся следом, прижимаясь к стенам, ловя полумрак и стараясь как можно меньше привлекать к себе внимание горожан. Возможно, мои опасения были преувеличенны, люди уже порядком пресытились смертями, сведением личных счетов и безнаказанностью. Теперь они куда меньше нацелены на

то, чтобы убивать. Сейчас их больше интересует жажда наживы, но никогда не стоит забывать, что есть исключения из правил.

Бешеные собаки среди стада овец, они насыщаются кровью гораздо медленнее остальных и предпочитают ее еде, вину и обогащению. Такие существовали всегда, и были опасны. Лучше не привлекать их внимания, иначе придется вновь драться. А я хотел избежать совершенно не нужных схваток и побыстрее достичь дома Вальтера, о котором мне рассказал Ворон.

Я миновал каменный мост через реку, отделявшую Мельничье колесо от старой части города. В воде плавали темные «бревна» – трупы. Ветер, дохнувший на меня из распахнутых ворот, смердел кровью, точно я входил на скотобойню, а не в богатый район.

Стражников, которые охраняли вход, изрубили топорами и закололи вилами. Один, совсем еще мальчишка, не успевший надеть кирасу, сидел, привалившись к стене караулки, с удивленно распахнутыми, уже остекленевшими глазами. Бродячая собака из подворотни осторожно обнюхивала лицо другого покойника, и ее никто не гнал.

Мастеровые, «сторожившие» ворота, были заняты тем, что приканчивали бочонок вина.

Я их заинтересовал примерно так же сильно, как собака, собиравшаяся отведать мертвечины. На улицах мне то и дело попадались стаи людей, рывшихся в чужих домах, торговых лавках, разворовывающих церковную утварь, тащивших награбленное и дравшихся за него. Какие-то бабы несли в окровавленных подолах серебряную посуду, один мужик, пьяный вусмерть, неспешно и монотонно бился башкой об стенку, двое других, таких же нетрезвых, сидевших на корточках поодаль, делали ставки, как долго продержится череп товарища. Пугало болталось неподалеку, тоже с интересом следя за столь странным способом самоубийства. Судя по его виду, такого уровня человеческой глупости оно еще не видало и настроилось получить от представления все возможное удовольствие. У него даже пальцы подрагивали от возбуждения.

Я быстро проверил состояние страшилы. Несмотря на обилие трупов вокруг, оно оставалось на удивление хладнокровным. Сегодня ему хватало разлитых в городе эмоций и страданий. Они вполне заменяли Пугалу фигурную резьбу серпом по живой плоти.

Наверху раздался хлопок выстрела, спустя секунду вниз упало женское тело в порванной ночной рубашке. На какое-то мгновение на улице все замерло, люди посмотрели на крышу, а затем вновь вернулись к своим делам, так как ничего необычного не случилось.

– Эй, – я поймал за плечо тощего прыщавого парня. С виду он не представлял никакой угрозы. – Как мне найти улицу Стены?

Блуждать наугад в охваченном смутой городе больше, чем требуется, я не хотел.

Он глянул на меня с подозрением:

– Знакомые там живут?

Утвердительно отвечать я не собирался, иначе не сносить мне головы. Бутовщики не жаловали обитавших здесь горожан.

– Нет. Ищу Клауса и Лоргена, – назвал я имена мастеровых. – Они должны пойти туда.

– А… Только зря. Там уже все растащено. Впустую будешь ходить. Прямо. Через шесть перекрестков направо, затем до стены. Улица начнется справа. Не ошибешься.

Я добирался до своей цели переулками, заваленными мертвецами. В сточных канавах бурела кровь. Я слышал лишь звук своих шагов. Ни дыхания, ни стонов раненых, ни просьб о помощи. Те, кто выжил – либо затаились, либо ушли. Район был полностью опустошен, словно по нему пронесся смертельный шторм, неподвластная человеку стихия.

Впрочем, так и случилось. С тем лишь исключением, что люди сотворили это своими руками. Я повернул голову, прислушиваясь, заглянул за угол. В тусклом свете догорающего сарая увидел старуху, лежавшую на вытащенном из дома столе. Ее горло было перерезано, и капли крови неспешно падали в наполненную миску и через край проливались на землю.

В здании по соседству раздался шум, испугавший прятавшуюся во мраке крысу. Та бросилась прочь, пересекла открытое пространство, и голубая искра, вылетевшая из черного окна, прикончила грызуна, оставив от него лишь хвост да запекшиеся косточки.

Я машинально отпрянул назад, подальше от света. Меньше чем через минуту из разоренного дома вышла женщина, кутавшаяся в шаль. Она высыпала на лицо бабки какую-то траву, быстро наклонилась, поцеловала мертвые губы, и я увидел, как желтушные руки покойницы дернулись. Воздух с неприятным свистом стал выходить из ее горла, тело подниматься.

Я поспешил прочь, ступая на цыпочках, пока ведьма меня не заметила. Надо сваливать, и как можно дальше отсюда. Во время смуты из мрака выползает не только нечисть, но и чудовища. То, что я видел, – работа велефа. Однажды я уже сталкивался с одним из них и выжил лишь чудом. Второй раз с подобной тварью связываться мне совершенно не хочется. Пусть инквизиция разбирается с тем, кто, по официальной версии церкви, «уже много лет как уничтожен». Но как показывает практика, в последнее время велефы не такая уж и редкость.

Я несколько раз оглядывался, опасаясь, что она все же почуяла меня. Но обошлось.

Улица Стены, широкая, засаженная кленами, была такой же пустынной, как и соседние переулки. Дом, в котором жила дочь Вальтера, оказался приметным. С палисадником, зелеными ставнями и выгравированной на стене виноградной лозой – стандартной отметкой в западных княжествах, говорящей, что здесь живет кто-то из мелких купцов.

Я знал, что застать колдуна нет никакой надежды. Жилище разорено, оставаться в нем, дожидаясь черни, мог только глупец.

Но было еще одно дело, о котором меня просила Кристина – книга. Хотя и тут шансов почти нет. Если фолиант представлял для Вальтера хоть какую-то ценность, он забрал его с собой. Но я обязан был это проверить. Криста, к сожалению, не сказала, в какой комнате мне искать. Придется простукивать пол, чтобы найти тайник.

Два этажа, шесть помещений, включая кухню. Я довольно быстро обошел их, слыша, как под ботинками хрустит битое стекло. Ветер колыхал сиреневые занавески, сквозняком носился среди перевернутой мебели, уничтоженной посуды и без жалости сорванных картин.

Искомое нашлось на первом этаже, в маленькой темной детской, единственной комнате, не подвергнутой серьезному разгрому. Отодвинув кроватку в сторону, я обнаружил неглубокую, пустую нишу в полу.

– Проклятье! – негромко произнес я.

Неудача.

Я вышел в гостиную и увидел женщину в шали. Она подняла с пола опрокинутую табуретку, села, налила себе в чудом уцелевший стакан воды и теперь пила из него скупыми глотками. Я тут же отвел глаза, чтобы не встречаться с ней взглядом.

Она негромко хмыкнула, сказав мягким голосом:

– Ты даже умнее, чем я думала. Не только решил меня не беспокоить, но и не смотришь. Как видно, хорошо знаешь, кто такие ведьмы.

– Ведьме в глаза я бы посмотрел, – сказал я, думая, как отступить на кухню, чтобы выскочить через окно. – Но не велефу.

– Кто ты, альбаландец? – негромко спросила женщина.

Я откинул полу куртки, показывая кинжал.

– Страж. Еще интереснее.

– Зачем ты пошла за мной?

– Странный вопрос. Чтобы убить тебя. Ты видел лишнее. Я не могу позволить уйти. Даже стражу.

Я почувствовал за спиной движение. Отступление на кухню оказалось перекрыто – в дверях, покачиваясь, стояла желтушная старуха с перерезанным горлом.

– Думаю, я уйду целым и невредимым, – улыбнулся я, так как Пугало вставшее за велефом обнажило серп.

Она немного удивилась, хихикнула:

– Готова услышать твои аргументы, страж.

– Одушевленный. Такие, как ты, могут их видеть. Он за твоей спиной.

Женщина обернулась, секунду смотрела на нависшее над ней чудовище, затем хладнокровно допила воду, поставила стакан под ноги и только после этого произнесла:

– Впечатляет. А говорили, стражи все такие чистюли. Ну, значит, разойдемся миром. Я покину город прежде, чем ты кому-то расскажешь. – Велеф выпрямилась, запахнулась в теплую белую шаль.

– Вне зависимости от моих слов, рано или поздно каликвецы пойдут по твоим следам. И прикончат. Как и других таких, как ты.

Она подошла так близко, что я почувствовал запах ее волос. Легкий аромат свежей сдобы и… чужой крови.

– Этого не случилось за сорок девять лет. Не случится и впредь, страж. Я осторожна. А ты даже не узнаешь меня в лицо, потому что и сейчас твои поджилки трясутся, и ты боишься посмотреть мне прямо в глаза.

Я не клюнул на эту уловку, и женщина издала короткий презрительный смешок, сделала шаг в сторону, предлагая мне уйти. Я так и поступил. Она окликнула меня на улице:

– Ты приходил за девчонкой? Матерью? Или отцом?

– Я приходил к Вальтеру. Он мой друг, – солгал я.

– Ну, тогда закажи по колдуну панихиду, страж. Ему уже ничем не помочь.

– Он мертв?

– Скоро будет. Его забрала инквизиция. Дураки всегда попадаются.

Когда я уходил, она смеялась мне в спину.

Про инквизицию я спросил у пьяницы, разлегшегося на паперти церкви, чудом не тронутой бунтовщиками. Пугало это, кажется, позабавило. На его взгляд, кандидатуру я выбрал неподходящую, но в квартале больше никого не было, если не считать четверых мертвых солдат возле ограды летнего парка. В отличие от покойников алкаш хоть как-то мог изъясняться.

– Эмм-рва! – дыхнул он мне в лицо, отвернулся и захрапел. Небось завтра проснется и будет долго удивляться тому, что произошло в городе. Если проснется, конечно. Следует учесть, что велеф бродит по улицам совсем недалеко отсюда.

– Спасибо за помощь, – сказал я Пугалу.

Оно важно кивнуло.

– Ведь все эти услуги ты оказываешь не просто так, да? Старги, Александр, теперь велеф… Когда ты предъявишь мне счет, я вообще смогу его оплатить?

Оно развело руками, говоря тем самым: поживем – увидим.

Не знаю, как Вальтер попался в лапы Псов Господних. С одной стороны – он там, где должен быть. С другой – теперь добиться от него ответов будет чертовски сложно.

Я забрался на стену Мельничьего колеса, отсюда была прекрасно видна западная часть города и черная громада кафедрального собора, который строили уже без малого триста лет. Надо полагать, инквизиция как всегда открыла представительство по соседству. Это давно стало традицией в западных княжествах – хочешь найти Псов Господних, ищи рядом с собором.

Медленно и неспешно светало. Небо стало бледно-серым, неприятным и предвещало скорый, холодный дождь. Первый в этом году.

Двое солдат возле разоренной булочной попытались напасть на меня, отобрать деньги. Двигались они не слишком ловко для опытных вояк, и я без труда ранил одного из них в руку

палашом. Они тут же отступили. Раненый скулил, его товарищ сыпал оскорблениями, но мой палаш оказался для них серьезным аргументом.

В доме, что стоял по правую руку от собора, горел свет, возле ворот, рядом с запряженной в карету четверкой лошадей, быстро и споро работали слуги, загружая на крышу сундуки. Шесть человек в черных плащах и широкополых шляпах держали факелы, образовывая вокруг экипажа кольцо.

Здесь не было ни бунтовщиков, ни солдат, ни спасающихся от погромов граждан. Никто не ломал двери пускай недостроенного, но действующего собора, полного церковных богатств. Несмотря на распространение беззакония, несмотря на вседозволенность и безумие, смерти и кровь, никто из них не пришел на эту большую площадь. И не потому, что внезапно они все стали набожны. Сегодня эти люди в большинстве своем забыли о всевышнем.

Они просто боялись.

Тех, кто обитал в доме с освещенными окнами и работал в его подвалах. Потому что даже идиоты прекрасно знают – можно убить соседа, ограбить друга, повесить на столбе бургомистра, испытывать терпение герцога, но не стоит играть в такие игры с инквизицией. Ничем хорошим это не закончится. Лишь конченые висельники захотят связываться с Псами Господними.

Пока я пересекал площадь, охранники с факелами внимательно следили за мной, но не двигались. И лишь когда поняли, что я направляюсь к карете, один из них вышел вперед, наполовину вытащив шпагу из ножен:

– Иди себе мимо.

– Я страж. И мне нужен кто-нибудь из тех, кому ты служишь.

Он поколебался, не зная, какое решение принять, но шпагу все же отпустил. Сделал шаг назад, сказал товарищу, не оборачиваясь:

– Позови отца Леонарда.

Стал накрапывать редкий холодный дождик, капли попадали на открытое пламя, то шипело, начинало чадить и извиваться. С каждой секундой светало, мрак отступал перед новым днем, обесцвечивая город, обволакивая его всеми оттенками серого. На востоке до сих пор продолжалась стрельба, но редкая и усталая. Весь запад был затянут дымами затухающих пожаров. Клагенфурт неспешно приходил себя.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец из дома появились четыре клирика в серых рясах Святого Официума. За ними шли двое громил в кожаных чепцах, которые вели Вальтера. За те полмесяца, что я его не видел, он сильно исхудал, лицо стало острым и каким-то обреченным. Глаза ввалились, щеки впали, губы колдуна были разбиты, кровь запеклась в щетине на подбородке. Но шел он прямо, презрительно кривясь, делая маленькие шажки из-за того, что его ноги были скованы цепью. На руках висели кандалы, голову сжимал стальной обруч, который глубоко врезался в кожу, раня ее, ничуть не хуже тернового венца, который ранил Христа.

Вальтер заметил меня, вздрогнул, в его глазах полыхнула дикая надежда, и он тут же отвел взгляд, не желая, чтобы я заметил эту слабость. Мордовороты запихнули его в карету, сели по бокам. Этот транспорт явно не подходил для перевозки заключенных, слишком дорог и на окнах нет решеток, но если ехать требуется срочно, а найти подходящий дилижанс невозможно, сойдет и такое.

Высокий дородный инквизитор с пухлыми губами и редким пушком на большой, похожей на ведро голове подошел ко мне, гулко сказав:

– Я отец Леонард, генеральный инквизитор Клагенфурта.

– Людвиг Ван Нормайенн.

– Страж, надо полагать? Не в самое лучшее время мы с вами знакомимся. Гордыня и похоть овладели этим городом.

– И зло. Я хочу сообщить о ереси.

– Большей, что творилась ночью? – с грустной усмешкой спросил он. – Ангелы, должно быть, выплакали все слезы, наблюдая с небес за тем, как мирные жители убивают друг друга. Что случилось?

– Я видел велефа.

Сказал я это лишь для того, чтобы остановить их. Не дать уехать из города и увезти Вальтера. По крайней мере до тех пор, пока я не найду способа поговорить с ним.

Инквизитор нахмурился, испытующе глядя на меня, и другой Пес Господень, слышавший мои слова, подошел и сухо произнес:

– Страж не лжет. Во всяком случае, он считает, что действительно видел это безбожие. Последний колдун крови был сожжен в Риапано восемьдесят лет назад. Ты не ошибся? Это точно был велеф, а не какой-нибудь деревенский практик?

– Последнего колдуна крови сжег я. И это случилось в прошлом году в Кантонских землях. При этом погибло несколько каликвецев, – резонно возразил я ему. – В Риапано получили мой доклад. Не знаю, извещали ли они об этом региональную инквизицию.

Судя по ставшему еще более хмурым лицу отца Леонарда, человека, занимавшего серьезную должность, новости ему были известны, но он не подтвердил мои слова.

– Если был один велеф, то почему не существовать и другому? – тихо произнес я.

– Я сообщу обер-инквизитору Удальна о ваших словах, как только доберусь до столицы.

Это было, по меньшей мере, странно. И он, заметив выражение моего лица, пояснил:

– Поймать велефа непросто, господин ван Нормайенн. А в городе, где нет никакой власти, невозможно. Не с теми ресурсами, что я располагаю. Всесилен лишь Господь, но не мы. Кроме того, Он в мудрости Своей не отпустил нам столько стойкости, чтобы противостоять такому чудовищу. Как видите, я признаюсь в этом. Чтобы вы не думали, что мы избегаем своих обязанностей. К тому же у нас уже есть один еретик, и мы не можем оставить его без присмотра в надежде поймать еще одного.

– Неужели этот человек опаснее и важнее велефа? – Я кивнул на карету.

– Нет. Но он преступник. Колдун, убивший людей в Крусо. Слышали?

– Да.

– Его ждет допрос, раскаяние и всеочищающее пламя. Не волнуйтесь, страж. Обер-инквизитор отправит известие в Риапано, и скоро в город пришлют каликвецев. Поверьте, братья-монахи находят еретиков и по остывшим следам. Велефа поймают. Не сегодня, но обязательно поймают.

Он легко поклонился, показывая, что разговор окончен, и направился к карете.

– Отец Леонард! – окликнул я его. – Вы уезжаете из города? Найдется у вас еще одно место?

Инквизитор в задумчивости остановился, поймал взгляд товарища:

– Я могу обеспечить вам защиту и вывезти из Клагенфурта, господин ван Нормайенн. Но и только. Дальше, простите за мои слова, нам с вами не по пути.

Надо думать, он не желает, чтобы кто-нибудь знал, в какие казематы везут отступника.

– Мне это подходит. – Я хватался за любую возможность.

– Но лишних лошадей у нас нет. Вам придется разделить карету с еретиком. Если, конечно, это не смущает.

– Не смущает.

Когда я залез внутрь, Вальтер с иронией поднял бровь, но не произнес ни звука. Он сидел зажатый с двух сторон мордоворотами, которые, признаюсь честно, непонятно как вообще сюда поместились при их комплекции. Спустя минуту в карету забрался отец Леонард и стало совсем тесно.

Вальтер скривился.

– Твое презрение меня не трогает, – равнодушно проронил инквизитор. – Советую тебе помолиться о своей душе и раскаяться в запрещенном колдовстве. Тогда дознаватели будут милосердны.

– У меня есть патент для занятий волшебством.

– Аннулирован. И он не разрешал убивать людей.

– Ну конечно, пес. Такое разрешение есть только у Святого Официума, – с усмешкой произнес тот и тут же охнул, когда один из охранников с силой ударил его локтем под ребра.

– Покайся, – сухо произнес инквизитор. – Мучения тела ничто по сравнению с мучениями твоей души. Ты можешь сократить время своего пребывания в чистилище.

– Подумаю над твоим предложением, – восстановив дыхание, процедил Вальтер. – До Линна дорога долгая. У меня есть время.

– Гораздо меньше, чем ты думаешь.

Колдун усмехнулся, посмотрел мне в глаза:

– Зря ты сел в эту карету, незнакомец. Пешком было бы безопаснее.

– Заткнись, – пробурчал охранник слева, хотел замахнуться на заключенного, но взглянул на отца Леонарда и передумал.

– Не слушайте его и не бойтесь, – обратился ко мне Пес Господень. – Его угрозам не суждено осуществиться. Он лишен возможности причинять зло.

Карета в сопровождении всадников двинулась вниз по улице, направляясь к городским воротам внешней стены, прочь из Клагенфурта. Четырежды я видел в окно людей, молча расступавшихся перед клириками, один из которых держал стяг с гербом инквизиции – рука, сжимающее сияющее распятие веры.

Я подумал о том, что Проповедник, наверное, все еще дожидается меня у Мельничьих ворот и будет чертовски зол, когда поймет, что к чему.

Со слов Вальтера выходило, что его везут в столицу Удальна – Линн. Там есть и верховный трибунал инквизиции герцогства, есть и прямая связь с Риапано. С таким отступником, как колдун, на которого церковь повесила убийства в Крусо, поступят надлежащим образом. Казнят прилюдно, чтобы показать всем, что бывает с теми, кто покушается на верующих, но сперва выбьют признание.

А мне позарез нужно поговорить с бывшим слугой маркграфа Валентина прежде, чем его мясо запечется на костях.

Выстрелы загремели внезапно, карета дернулась вперед – я едва не врезался головой в стенку – и так же резко остановилась. В окно просунулась рука с пистолетом, грохнул выстрел, и пламя обожгло мне правую щеку.

Содержимое головы отца Леонарда разлетелось в стороны, все заволокло удушливым пороховым дымом. Я рванул дверь от себя, выкатился на улицу, едва не попав под копыта чьей-то лошади. Люди, напавшие на кортеж Святого Официума, были облачены в ало-серые мундиры кондотьеров. Наемники действовали споро и сейчас занимались тем, что рубили охрану. Один из них кинулся ко мне, я нырнул под карету, пролез под ней на четвереньках, оказался на противоположной стороне, обнажил палаш.

На меня сразу же напал чернявый малец в синем шапероне с нашивками сержанта. И надо сказать, он оказался серьезным противником. Я неплохо обращаюсь с палашом, но то, как он орудовал шпагой, сделало бы честь даже моему другу Натану. Мне хватало опыта лишь для защиты, но никак не для нападения. Лишь благодаря моему росту и силе, с которой я отбивал змеиные выпады, в первые тридцать секунд схватки мне повезло избежать смертельного укола.

Но тут к бою присоединился его товарищ с саблей, и стало совсем худо. Два опытных вояки загнали меня, как щенка, к стенке и прикончили бы, если бы не окрик:

– Стоять! Он со мной!

Сержант выругался, посмотрел на меня зло, точно я был его кровным врагом, но шпагу опустил и кивнул солдату, чтобы тот убрал оружие.

Вальтера вытащили из кареты, сбили цепь на ногах, чтобы он мог передвигаться.

– Быстрее, сукины дети! – рявкнул по-флотолийски чернобородый мужик с нашивками лейтенанта. – Хотите, чтобы нас половина города запомнила?!

Двенадцать кондотьеров, напавших на кортеж, бросились обшаривать карманы мертвецов и сундуки на крыше кареты.

– Мы договаривались только о твоем спасении, Вальтер, – на общем языке княжеств крикнул лейтенант. – О твоем дружке разговора не было.

– А я, по-твоему, в цепях и нуждаюсь в спасении? – поинтересовался я.

Он глянул на обнаженный палаш у меня в руке, хмыкнул:

– Да мне плевать. Договор дороже денег. Тебя в наших планах нет.

– А теперь есть. – Колдун повел все еще скованными руками. – Он мне нужен. Может, обсудим новые условия подальше отсюда?

– Твоя правда. Лезь на лошадь. И твой приятель тоже.

– Сперва сними с меня цепи, Кирино.

– Нашел дурака! Сначала деньги.

Тот коротышка, который едва меня не проткнул, подвел лошадей убитой охраны клириков:

– Прошу, господа.

Надо сказать, что произнес он это без всякой вежливости.

– Советую тебе воспользоваться столь щедрым предложением, ван Нормайенн, – с трудом забравшись в седло, буркнул Вальтер.

Проповедника, который мог бы воскликнуть: «Что ты делаешь?!», рядом не было, так что я поступал по собственному разумению, решив действовать по обстоятельствам, которые, кажется, в последние полчаса начали захватывать инициативу, положив на лопатки и разум, и логические расчеты.

– Этот сундук тебе был нужен? – спросил кондотьер Кирино, когда его люди сняли с крыши кареты оплетенный ремнями ящик.

– Только книга. Все остальное ваше, как договаривались.

Прыщавый наемник кинжалом срезал ремни, подцепил крышку и выбросил на мостовую ворох бумаг, три книжки, взвесил на ладони тяжелый, приятно звякнувший кошель.

– Так и думал, что псы не только молитвами живут. – Усмехаясь, солдат кинул деньги своему лейтенанту для последующего дележа. – Которая из книг?

– В зеленом переплете.

– Придержи ее у себя, – приказал командир.

– Нет! – тут же взвился Вальтер. – Исполни хотя бы часть своего обещания, Кирино. Книга мне нужна прямо сейчас.

– Ладно, отдай.

– Она, может, ценнее денег, раз так ему нужна.

– В ней дьявольские слова. Не надо связываться с волшебством, – резонно возразил лейтенант.

Солдат протянул томик своему товарищу на лошади, а тот, подъехав к колдуну, пихнул книженцию скованному за пазуху.

– Двинулись.

Маленькая кавалькада направилась по улицам, затянутым прогорклым дымом, мимо разоренных домов, сточных канав с забуревшей кровью, трупов и ошалевших после ночи людей, которые шарахались в стороны, чтобы не быть задавленными лошадьми.

Грядущее… так сказать, скрывалось от меня в глубоком тумане. Потому что наемники, которые по идее должны были охранять город и пресекать беспорядки, решили заняться наживой и начали с того, что без всяких сомнений перебили Псов Господних. Именно о таких я и говорил совсем недавно – им нечего терять.

Мы углубились в узкие торговые кварталы южных городских окраин, совсем рядом с воротами, где то и дело встречались усталые после бессонной ночи солдаты, которых собирали в отряды охрипшие сержанты. Уцелевшие блюстители порядка готовились штурмовать тех, кого в другое время они должны были защищать. Редкие войска надеялись выбить бунтовщиков с соседних улиц, закрепиться в ключевых точках и начать подавлять восстание.

Возле ворот, сейчас больше всего похожих на переспелую грушу, плодами которой являлись пятнадцать изуродованных висельников в одеждах мастеровых, нас остановили. У охранников были аркебузы с зажженными фитилями, а капитан в кавалерийском мундире держал в руке пистолет с колесцовым замком.

– Куда? – грубо спросил он.

– У меня приказ! – ответил лейтенант кондотьеров. – Вывезти этих двоих из города.

– Плевать мне на твои приказы, если только их не подписал сам герцог! Нам нужен каждый клинок, а вы вздумали сбежать?!

– С дороги! – прорычал Кирино. – Мне до черта опротивел твой город, и мои люди убираются из него как можно дальше.

Все можно было бы решить гораздо проще, но этот тупой наемник явно не знал такого слова, как «дипломатия». Он попросту пришпорил коня, тот рванул вперед и сбил капитана на камни.

Это оказалось последней каплей. Грохнули аркебузы, раздались крики, зазвенел металл, и началась драка. Я, уже не думая о Вальтере, ударил лошадь каблуками, направил к воротам, на ходу извлекая палаш. Пороховой дым служил хоть какой-то защитой и мечущиеся вокруг людские тени, сталкивающиеся, хрипящие, рычащие, пускающие друг другу кровь, были слишком заняты убийством друг друга, чтобы обращать внимания на меня.

Мою голову накрыла тень – я въехал в широкую арку распахнутых ворот и почти сразу же ударил палашом, сбивая в сторону нацеленную на меня алебарду. Я вырвался из города в предместья, застроенные низкими деревянными домами, сейчас такие же безлюдные, как Клагенфурт, и увидел, что Вальтер, прижавшись к конской гриве, скачет прочь. Уже через секунду он скрылся за поворотом.

Ругнувшись сквозь зубы, я оглянулся на ворота, но погони пока не было. Летя по грязным бесконечным переулкам, распугивая свиней, я довольно быстро заплутал и конечно же потерял проклятого колдуна, уже понимая, что свернул не там.

Рискнув, вернулся назад, поехал другой дорогой, как можно дальше от города – к реке, голым рощам и большому кладбищу возле церкви с обшарпанными стенами. За ней я увидел коня слуги маркграфа Валентина. Тут же крутилось любопытное Пугало. Оно пошло ко мне по размокшей дороге, протянуло правую руку. На когтистых серых пальцах, похожих на барабанные палочки, была видна кровь.

– Лошадь или человек? – спешиваясь, спросил я.

Оно глянуло на меня с загадочной улыбкой, показав, что я должен сам все проверить, так как в его планы не входит дважды за сутки облегчать мне жизнь.

Я посмотрел на лошадиную шкуру, узнав ответ на собственный вопрос, огляделся.

Церковь была заперта, так что я направился к кладбищу. Давно не крашенная калитка осталась полуприкрытой. Между могильных плит все еще виднелись проплешины снега, старые липы стояли голыми, с поникшими ветками, напоминая высохших от голода великанов. В их ветвях резко и неприятно галдели галки. Пахло влажной землей и пробуждающейся весной.

Я шел по центральной аллее, поглядывая по сторонам и сжимая пальцы на рукояти палаша. На замшелом памятнике увидел темный след, наклонился, чтобы убедиться, что это действительно кровь. Вальтер был ранен, но, судя по отсутствию капель на дороге и снегу, кровотечение у него не такое уж и сильное.

Я подумал, что он решил скрыться в лесу, миновав кладбище, но, как оказалось, ошибся, найдя колдуна в самой старой части погоста, среди искореженных лип и густого, непролазного кустарника. Он сидел на столетней могильной плите, правый край которой был сколот, прислонившись спиной к каменному кресту и зажимая обеими до сих пор еще скованными руками рану в нижней части живота.

Увидел меня, криво усмехнулся. Я отметил, как бледна его кожа. Дураку ясно, что песенка слуги маркграфа Валентина спета. Если, конечно, у него в рукаве нет чудодейственного фокуса.

– Опять ты, – произнес он. – Даже умереть спокойно не даешь.

Я не ответил, просто стоял и смотрел на него.

– Ждать придется долго, ван Нормайенн. – Он не терял присутствия духа. – Я не собираюсь отправляться в ад прямо сейчас.

Ну да. С пулей от аркебузы, застрявшей где-то в потрохах, промучиться можно несколько суток.

– Кристина? – помолчав, спросил он.

– Не выжила.

Он сел ровнее, морщась от боли. Ему удалось избежать пламени темного кузнеца, но человек, несколько раз пытавшийся меня убить, выиграл лишь пару недель жизни. Провидение все-таки настигло его.

– Можешь не верить, но мне жаль. Глупо все вышло.

– Что именно? Ее смерть? Или твоя?

– И то и то. Все слишком не вовремя. Впрочем, когда приход костлявой был к месту? – Очередная кривая усмешка. – Что ты забыл в этом проклятом городе, страж?

– Твою дочь.

– Ты несколько опоздал. Ее уже забрали твои дружки.

– Я в курсе.

Он вздохнул, убрал с живота окровавленные ладони, протянул мне скованные руки:

– Ты не мог бы?.. Не хочу подыхать, точно цепной пес.

Мне было все равно, если бы Вальтер умер даже так. Но я решил проявить добрую волю, надеясь, что это поможет дальнейшему разговору.

Колдун расценил мою заминку по-своему:

– Не заставляй меня думать, что ты, как и кондотьеры, считаешь, будто цепи сковывают не только мое тело, но и волшебство.

Потребовалось пять сильных ударов палашом, чтобы перерубить звенья.

– Мне нужна книга.

Он вяло кивнул:

– Чертова книга. Эта пуля мне досталась из-за нее.

Вальтер вытащил томик из-за пазухи, швырнул его мне, и тот упал под ноги, в грязь.

– Избавься от содержимого.

– Что в ней?

– А ты не в курсе? – Он рассмеялся и тут же закашлялся. – Ван Нормайенн, ты не перестаешь меня забавлять. Открой и посмотри. Ну же?

Я отстегнул застежку на обложке, распахнул томик и увидел, что в вырезанной в страницах полости лежит волнистый клинок без рукоятки, гарды и набалдашника.

– Это то, о чем я думаю?

– Не умею читать мыслей, ван Нормайенн. Но если ты считаешь, будто перед тобой произведение темного кузнеца, то ты прав.

– Как он оказался у тебя?

– О, довольно интересная история. Его привезла Кристина прошлой осенью. Она, видишь ли, заботилась о своей учительнице и считала, что, если дать ей кинжал, та проживет еще какое-то количество лет.

– Превращая светлые души в темные.

– Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц.

Интересно, в курсе ли Мириам инициативы своей ученицы? Думаю, нет. А Кристина не подозревала, что у магистра уже есть темный клинок. Возможно, знай она, осталась бы жива.

– Но Криста его не отвезла, а спрятала. Почему?

– Он не работал. – Заметив мой взгляд, колдун хмыкнул. – Страж не пачкала руки. Я попробовал. Никакого толку. Похоже, требуется глаз серафима. Сам по себе клинок остается обычной железкой. Чтобы получить артефакт, его части следует собрать в единое целое.

– Поэтому вы и пытались забрать камень у кардинала Урбана.

– Верно, – не стал он отрицать. – Но цели у нас были разные. Кристина желала спасти одну из вас. Мне же нужен был клинок для иного.

– То есть для себя?

Он глянул на меня как на дурака. С сожалением и раздражением одновременно.

– Ничего-то ты не понял, ван Нормайенн. Для спасения человечества. Если бы у меня был кинжал, я смог бы заинтересовать кузнеца.

– Ну, ты его и так заинтересовал.

Он грустно рассмеялся:

– Здесь я спорить не стану.

– Как же вы собирались поделить между собою такую ценную вещь?

– Я не говорил об этом с Кристиной. Но не буду врать, если бы понадобилось, отобрал бы его силой.

Галки закричали еще громче, и одна из стай взлетела с ближайшей липы, черным облаком направляясь прочь, на север.

– Ты так и не ответил, где она его достала.

– О, у Кристины был талант находить их. Первый она обнаружила у законника, которого убила в тех горах, у монастыря. А эту заготовку… тоже у законника. Точнее, на его теле. В Солезино.

– В Солезино?!

– Так она мне сказала. – Он пожал плечами и поморщился от боли. – Не вижу причин не доверять ей.

Следовало все хорошенько обдумать, в голове была настоящая каша. Слишком много неожиданных новостей за столь короткий промежуток времени. Так что я задал несколько иной вопрос:

– Как ты попал к инквизиторам?

– По собственной инициативе. Женщина… которая присматривала за моей дочерью, нашла тайник. И мои книги. А когда сюда добралась весть о том, что случилось в Крусо… в общем, она испугалась и пошла к инквизиторам. Решила, если скажет, что работает у преступника, ей зачтется.

– Зачлось?

– Пару дней назад я встретил ее в подвалах Псов Господних. – Его улыбка стала мстительной. – Надо сказать, она была очень удивлена, как с ней обошлись.

– Пару дней? – нахмурился я. – Если ты торчал у инквизиторов, то кто отдал девочку стражам?

– Мой человек. Он и предупредил меня, что клирики забрали книги и устроили ловушку. Так что я успел подготовиться. Договорился с Кирино, чтобы он меня вытащил, за целую тысячу флоринов, а затем дал святошам себя поймать.

– Глупо.

– Других вариантов я не видел. У них была книга. А мне нужен клинок. Был нужен. Я знал, что мне ничего не сделают. Меня бы отвезли в Линн вместе с запрещенными фолиантами, которые бы представили как одну из улик.

– Серьезный риск.

– Он оправдан. Неужели ты думаешь, что я боюсь этих серорясников, большинство из которых не видит дальше своего носа? Все бы получилось. Они лишили меня дара, но он бы восстановился за пару месяцев, и я завершил бы начатое. Если бы не эта проклятая и никому не нужная стычка возле ворот. И чертова случайная пуля.

– Ну клинок ты все-таки добыл.

Его губы скривились на это слабое утешение:

– В аду он мне не нужен. Забирай его и проваливай.

– Не так быстро. Сперва ты расскажешь о темном кузнеце.

– Я и так рассказал тебе достаточно. Еще в Крусо.

– Но явно не все.

Он посмотрел на меня зло:

– Отправляйся в пекло, ван Нормайенн. Я не собираюсь тебе помогать.

Я сделал шаг к нему:

– Тогда я уйду, колдун. А ты все те часы, что тебе остались, будешь думать, правильно ли поступил. Потому что здесь никого нет, кроме галок.

– Мне никто не нужен, ван Нормайенн.

– Ну и подыхай тогда с мыслью, что темный кузнец так и будет ходить по миру, а ты ничего не сделал, чтобы его остановить. Ведь ты хотел его остановить, Вальтер? Или все, что ты говорил в той аптеке, очередная ложь?

Он покачал головой:

– Нет. Я не врал и действительно верю, что эта тварь хочет открыть адские врата. Вот только я раздумал спасать мир, страж.

– Потому что ты умираешь и тебе все равно, что с ним будет?

И вновь раздался его неприятный, тихий смех.

– Меня всегда забавляло, что ты как слепой щенок, ван Нормайенн. Нет. Не потому, что я умираю. Все, что ты наблюдаешь вокруг, большинство людей, которых знаешь, городов, в которых побывал… все это уже мертво. Просто никто еще не понимает этого. Караван, пришедший из Алой пустыни, с востока, принес в западный Хагжит эпидемию юстирского пота. К лету болезнь будет в Сароне, несмотря на все предосторожности, к осени – выкосит весь юг: Флотолийская республика, Ветеция, Дискульте и Каварзере с частью Литавии. А к началу следующей весны будет свирепствовать в При, Кантонских землях и станет все дальше и дальше продвигаться на север. Это не маленький очаг, который был в Солезино. Это тьма, страж. Четвертая Великая эпидемия юстирского пота не за горами, и архангел Гавриил уже протирает свой горн от пыли. Наступает время могил. Новая эпоха. – Он глянул на меня исподлобья. – Впрочем, тебе и таким, как ты, бояться нечего. Вы выживете, хотя это будет странная жизнь среди тысяч разлагающихся трупов и опустевших княжеств.

– Болезни приходят и уходят. Эпидемии были и будут. Люди рождаются и умирают. Даже если из ста тысяч останется всего лишь сотня, человечество выживет. Триста лет назад Третья Великая эпидемия забрала большинство, но, как видишь, она не уничтожила мир, несмотря на весь вой об апокалипсисе. Однако врата в ад – это серьезно. Боюсь, что выживших не будет. Кузнеца следует остановить. Так что если ты что-то знаешь, расскажи мне.

Пугало все это время ходило по кругу, делая вид, что ему не слишком-то интересен наш разговор. Теперь же оно подошло поближе и село напротив, наблюдая за Вальтером, точно кошка за раненой мышью.

Тот помолчал, вновь пошевелился, и было видно, что каждое движение причиняет ему боль, на лбу выступила испарина.

– Хорошо. Расскажу. Но за ответную услугу.

– Что тебе надо?

– Когда мы закончим разговор – удар палашом. Вот сюда. – Он показал на свою шею. – Не хочу подыхать в мучениях несколько суток. Уверен, тебе доставит удовольствие прикончить меня. Согласен?

– Согласен. – Я не колебался.

– Основную часть истории ты уже и так знаешь.

– Без деталей. Ты хотел украсть у кардинала Урбана глаз серафима, чтобы найти кузнеца. Предположим, камень у тебя. Ты собрал кинжал. Он работает. Что дальше?

Он пожал плечами:

– Какая разница? Без булыжника все остальное лишь пустое сотрясание воздуха. У тебя нет шансов. Тот, кто мог передать информацию мастеру, не стал бы это делать, пока не увидел бы глаз серафима.

Я выложил карты на стол:

– У меня он есть. Как и темный клинок, который ты мне только что отдал.

Колдун недоверчиво нахмурился, затем понял, что я не вру:

– Сукин ты сын. Откуда?!

– Попался на пути. Не все ли равно? Так к кому мне идти?

Было видно, что он хочет послать меня к черту и страшно зол, но очередной приступ боли заставил его лишь заскрежетать зубами.

– Билеско, черт бы тебя подрал. Езжай в этот город, там найдешь законника по имени Сисэрино Руджеролло.

– И?..

– Спроси чего полегче. Я услышал это имя от Александра, когда тот гостил у маркграфа, обещая ему вечную жизнь. Сказал, что, если попадется такой камешек и его не будет на месте, везти в Билеско для Руджеролло. А тот найдет куда его пристроить. Большего я не знаю. Может, этого законника уже и в живых нет. Например, он подох в Солезино, как другие его товарищи. Но сейчас этот мифический человек – единственная ниточка, которая может привести к кузнецу. Ты доволен? Тогда выполни свою часть сделки.

Я покачал головой:

– Не так быстро. Случившееся на площади в Крусо. Зачем темный кузнец это устроил? В чем была цель?

– Он сделал ровным счетом то, что планировал я. Когда вокруг много трупов, кто в панике обратит внимание, что с шеи старого кардинала пропал какой-то камень?

– Довольно цинично.

– Зато действенно. – Он и бровью не повел.

– Вот только ничего не вышло. Ни у тебя, ни у него.

– Он опередил меня. Но ты прав. Клирики были готовы, отразили удар, и кузнец не стал продолжать.

– Испугался?

– Не могу сказать. Но одно дело – внезапное нападение, другое – бой, который привлекает к себе внимание.

Я развел руками:

– Золотое пламя, сжигающее людей. Это, по-твоему, внимание не привлекло?

– К неизвестной персоне. Никто ведь не знает, как он выглядит. Кто это был, из сотен находившихся на площади? Довольно важное обстоятельство, быть может, он бы и перебил святош, но не всех людей – кто-то обязательно бы его запомнил, и тогда уже стали бы искать не козла отпущения, коим стал я, а реального темного мага. – Он осторожно подтянул ноги.

Я вспомнил пламя на фермерской земле.

– Не так уж и далеко ушел кузнец, раз ночью решил вас прикончить. У него были причины для этого?

Вальтер кивнул:

– Надо думать. Он был недалеко от нас, понял, кто я такой.

– Ты видел его лицо! – догадался я.

– К сожалению. А свидетели, как ты понимаешь, ему не нужны.

– Как он выглядел?

Колдун с иронией поднял брови:

– Мужчина. Высокий и светловолосый. Синеглазый. На тебя похож. Если хочешь увидеть портрет, листай книги.

– Не понимаю.

Он устало сказал:

– Ван Нормайенн. От боли я едва соображаю. Твои вопросы вызывают только раздражение. Просто запомни название: Яков Тинд, «О поздней империи и создании княжеств». На шестой странице увидишь лицо кузнеца.

Его снова поработила боль, и он заскрежетал зубами пуще прежнего, а затем не выдержал и тихо застонал. Но я был неумолим:

– Как ты выжил?

– Он самый сильный из всех колдунов, что мне встречались. И магия его ни на что не похожа. Но и у меня есть дар. Я обманул его. Кинул свою личину на хагжита. Удалось сбежать. Его интересовал лишь я.

– Тогда почему он убил Кристину и наемника?

Вальтер отвел глаза.

– Потому, что они не побежали, как хагжит, которым ты стал. Потому, что они спасали Вальтера, который им не был, – с яростью произнес я.

– Я все сказал, ван Нормайенн, – тихо ответил он. – И больше ничего не знаю. Только что ты получил чего хотел. Сдержи свое слово.

Я посмотрел на Пугало, и то пожало плечами. Мол, поступай как хочешь. Ему было все равно – прекращу я мучения раненого или оставлю подыхать среди могил. Мне очень хотелось второго. За все, что он сделал. За то, как поступал с такими, как я, служа маркграфу Валентину. За глупую смерть Кристины. Чтобы он до своего последнего мгновения знал, за что ему это уготовила судьба.

Но мы заключили сделку. И я не демон, который соблюдает договор, если только он подписан кровью.

– Ты готов?

– Да. Пригляди за дочерью, если будет возможность. Ты хоть и тупой, но по сравнению со всем остальным сбродом в Братстве с тобой ей будет лучше.

Я сделал шаг к нему.

– До встречи в аду, ван Нормайенн. Скоро тот будет здорово переполнен.

– Не тороплюсь туда, – ответил я и с силой опустил палаш.

Проповедник сидел рядом с небольшой горкой земли и смотрел в пронзительно-ясное весеннее небо.

– Я говорил тебе, что на нашем пути сплошные могилы, Людвиг?

– Не далее как вчера утром, дружище.

– Да? Мне показалось, что прошла уже целая вечность.

Пугало заглянуло в неглубокую яму, в которую я стащил тело моего врага. Неодобрительно повело плечами, но как всегда ничего не сказало.

– Этот человек достоин того, чтобы ты взломал сторожку смотрителя и махал заступом? – Старый пеликан все же не выдержал и спросил меня об этом, когда я уже закидывал Вальтера землей.

– Не хочу его так оставлять.

– Это не причина. Я слишком хорошо тебя знаю.

– Тогда считай, что мне просто неприятна мысль, что он будет гнить под открытым небом и портить кладбище.

Он посидел еще немного, глядя, как я работаю, и негромко сказал:

– Я боюсь того, что ты найдешь, если и дальше будешь идти по этому следу.

– Я тоже, друг Проповедник. Я тоже.

История вторая
Тени Арденау

– Аферисты обладают пророческим даром? – Проповедник стоял у мачты, сложив руки на груди, наблюдая, как в волнах Арэо, реки, берущей свое начало где-то в низких горах Бьюргона, мерцают солнечные блики.

– Обычно нет, – ответил я, поднимая воротник куртки.

Была середина апреля, но о тепле в Альбаланде можно было только мечтать. Со стороны Северного моря, студеного и неприветливого даже летом, дул холодный, хлесткий, как кнут золянского пастуха, ветер. Его ничто не сдерживало на плоской, ровной как стол равнине, и он играл с многочисленными мельницами, которыми так славилась эта ландра[4], заставляя вращаться их широкие крылья, раскрашенные алым и белым.

– Тогда это насмешка судьбы, и никак иначе. Вальтер со товарищи придумали замечательную аферу в Крусо. Приход ангела и весть об апокалипсисе. Ну, вся та чушь, в которую поверили дураки.

– В том числе и ты. – Я помнил, какое он испытал разочарование от того, что история оказалась сплошным обманом.

– Мог бы и не бередить раны, – проворчал тот, игнорируя усмехнувшееся Пугало, расположившееся на мешках с шерстью. – Я к тому, что эти паскуды, прости меня Господь, ибо все они уже мертвы, сочинили ангельскую весть. И даже не подозревали, насколько правы. Апокалипсис грядет. Юстирский пот вновь пришел с востока и угрожает человечеству.

Его, как и меня, беспокоило рассказанное колдуном, но я все еще лелеял надежду, что тот ошибался.

– До сих пор ни одного подтверждения с юга. Все молчат о заразе, Проповедник. Колдун мог и соврать.

– Мог, – не стал спорить тот. – Но боюсь, новости просто еще не дошли до нас. Путь очень не близкий.

Здесь он прав. Хагжит довольно далеко, море в марте-апреле бурное и штормовое, так что корабли с юго-востока задерживаются.

– Пока не буду думать об этом.

Он нахмурился:

– Негоже прятать голову в песок, Людвиг. И доколе будет он не верить Мне при всех знамениях, которые делал Я среди его?[5]

– Проповедник, у меня куча других занятий. Я ни на что не могу повлиять. Разумеется, я предупрежу Братство, а они отправят этот слух дальше, но в итоге, если эпидемия действительно началась, ничего не изменится. Даже если закроют порты, даже если выставят кордоны, даже если на каждой возвышенности посадят по волшебнику, который будет сжигать всех, кого увидит, – мор все равно найдет брешь. Это не локальный источник, как в Солезино, который вовремя взяли в оцепление.

– Надо топить все корабли, идущие из Хагжита. – Он увидел, как у меня поднялись брови. – Я просто так предложил. Но другие скажут, что южане безбожники, так что греха в их убийстве нет.

– Так и будет. Корабли станут задерживать, заставлять разворачиваться назад или уничтожать. Но ночь темна, а океан велик. Кто-нибудь всегда проскочит. На барке или утлой лодке.

---

[4] Провинция.

[5] Числ. 14, 11.

Да в конце концов, волны прибьют труп зараженного с потопленного корабля к нашим берегам. Если эпидемия действительно так сильна, как говорил Вальтер, то приход смерти всего лишь вопрос времени.

– Надейтесь на Него во всякое время; изливайте перед Ним сердце ваше: Бог нам прибежище[6]. Только это и остается, Людвиг.

Кормчий переложил руль, и неспешная баржа стала прижиматься к открытому правому берегу, а затем вошла в один из многочисленных узких протоков. Впереди показалась приземистая пристань, ряды домов, чадящие черным трубы жироварен, склады и подводы. На последние с барж сгружали товары.

– Знаешь, что меня больше всего бесит в моей новой жизни? – внезапно спросил Проповедник. – Не отсутствие сна и даже не то, что я не нуждаюсь больше в пище и вине. Меня просто начинает трясти, когда я вспоминаю, что теперь почти не могу ничего трогать.

– Ты о предметах?

– Конечно, я о них! Почему этот гад, – он ткнул пальцем в Пугало, – может, если только захочет, швыряться полными винными бочками, а я, в свой самый лучший день, способен едва приподнять твой кинжал над землей?

– Потому, что ты светлая душа, а он темный одушевленный.

– Меня не устраивает такой ответ. Величайшая несправедливость. Ее что, никак нельзя исправить? Я лишен массы развлечений из-за этого уродства. Было бы весело задирать юбки почтенным матронам. Разве нет способа?

– Способ есть.

– И ты молчал?! – возмутился Проповедник.

– Просто не думаю, что он тебе понравится. Если я кину в тебя развоплощающим *знаком*, то на несколько мгновений, прежде чем ты исчезнешь, сможешь швыряться хоть коровами. *Знак* передаст тебе силу, заключенную в нем. Особенность светлых душ.

– М-да. Этот вариант меня не слишком устраивает.

Владелец судна подошел ко мне, степенно, но с уважением поклонился:

– Халсулес, господин страж. Нам надо разгрузить шерсть. Будете ждать или воспользуетесь дилижансом?

– За сколько управитесь?

– Полчаса, думаю. Надо прибыть на Кукушкину пристань до прихода приливной волны.

– Тогда подожду.

Баржа замедлила ход, матросы в шерстяных свитерах и испачканных смолой парусиновых штанах кинули швартовы причальной обслуге.

Тюки с овечьей шерстью, лежавшие на палубе, начали сбрасывать на руки грузчикам. Те относили их на склад.

– Как ты думаешь, Пугало побоится появляться в Арденау? Там много стражей и не все так дружелюбны, как ты.

– Оно? Побоится? – Я рассмеялся. – Ты, должно быть, шутишь. Но я провел с ним беседу и попросил не бузить, пока мы здесь.

Старый пеликан пробурчал нечто нелестное. Со времен Клагенфурта старикан пребывал в мрачной меланхолии.

Когда с разгрузкой было покончено, внезапно он оживился, указывая в сторону прядильного цеха:

– Это, часом, не наш ли старый знакомый?

Я пригляделся, улыбнулся. Человек, шедший к барже, заметил меня, махнул рукой.

---

[6] Пс. 61, 9.

– Привет, Людвиг. Проповедник, как здоровье? – Карл был все таким же широкоплечим, сильно оброс бородой и, похоже, не стригся с тех самых пор, как я видел его последний раз в Шоссии.

– Смешно, – буркнул Проповедник. – Здоровье у меня со времен смерти неважное. Чихаю по утрам.

– Настроение, я смотрю, тоже не сахар.

– У него была тяжелая неделя, – ответил я.

– Ха! – произнес Проповедник и, не глядя на нас, отправился к борту.

– Ну а ты как? – спросил я. – Когда я уезжал, ты едва стоял на ногах.

Карл поморщился:

– С тех пор как меня цапнул тот покойник, шрамы болят, стоит выйти на холод. После Лёгстера, считай с осени, я безвылазно торчу в Арденау. Столица Братства, собственная квартира и прочие прелести жизни это, конечно, очень хорошо. Но нормальной работы почти нет. Души стараются обходить город кружным путем.

– Что тебя удерживает от очередного путешествия?

– Мириам. – Карл увидел, мое удивление. – Попросила задержаться до конца апреля. Учу Альберта драться.

В этом вся Мириам. Она умеет использовать людей и их таланты.

– И что мальчишка?

– Возмужал. Руки все еще недостаточно сильны, чтобы долго держать тяжелые клинки, но с дагой уже может постоять за себя. У меня такое впечатление, будто старейшина собирается отправить его в свободное плавание и, кажется, торопит события. Обычно она не настолько импульсивна.

Он выглядел озадаченным, и я догадывался о причинах. Мириам заботилась о своих воспитанниках. На свой странный манер конечно же. А тут она попросту выталкивала Альберта в большой мир. Но я понимал, почему так происходит. Моя учительница спешила, и делала все возможное для того, чтобы подготовить своего последнего подопечного, прежде чем она отправится в могилу.

– Ну а ты здесь какими судьбами?

– Работаю почтальоном. – Он вытащил из кармана конверт. – Мне два дня пришлось здесь проторчать, чтобы вручить это письмо до того, как ты приедешь в Арденау.

– Что-то серьезное?

– Извини, не знаю. Я просто исполнил просьбу Гертруды.

– Дай мне минуту.

Он кивнул и отошел, постаравшись разговорить мрачного. Я вскрыл конверт, развернул бумагу и глазами пробежался по строчкам:

Людвиг, здравствуй.

К сожалению, срочные дела требуют моего присутствия в Риапано. У нас возникли проблемы после того, что устроила Кристина, и мне придется прикрывать Братство перед ди Травинно. Прости, что не смогли встретиться. В совете раскол во мнениях о темном кузнеце. Большинство считает, что это не наше дело и Братству следует и дальше исполнять свою работу, а поиски этого человека оставить Ордену и Церкви. Мы с Мириам оказались в меньшинстве. И еще одно. В совете пронюхали о Пугале. Я не знаю как, но будь готов, если они станут задавать вопросы.

Надеюсь увидеться в самом скором времени. Береги себя.

Люблю.

Гертруда.

Я аккуратно сложил бумагу и убрал ее во внутренний карман куртки. Ничего удивительного. Рано или поздно о Пугале должны были узнать. Вопрос лишь в том, к чему это приведет. Предупреждение Гертруды было нелишним.

А вот то, что они решили закрыть глаза на историю с темным кузнецом, – очень плохо.

Карл, заметив, что я закончил чтение, подошел.

– Все в порядке?

– Да. Но спасибо, что отдал мне его. Я бы еще не скоро зашел в «Фабьен Клеменз и сыновья». Есть какие-нибудь интересные новости из Братства?

– Все как всегда, и, пожалуй, мне это нравится. Тишина и пыльное спокойствие. Кроме школы конечно же. Там вечный гвалт. Наши каждый месяц привозят учеников. Не далее как неделю назад вернулись Ворон с Агнессой. Они нашли девчонку. Совсем еще малышка. Будет у нас еще одна колдунья. Гертруда обещала начать ее обучение со следующего года – она единственная из нас, кто может натаскать новичка волшебству.

– И как можно быстрее выбить для той патент от Церкви, – пробормотал я. – Уверен, Орден будет против. Они терпеть не могут, когда мы обладаем силой, которую они не могут контролировать. Я так понимаю, общий сбор отменен?

– Да. Два дня назад магистры решили, что история темных клинков нас не касается. Просто отправили всем стражам письма, чтобы те не лезли в эти дела, но были осторожны. Возможно, политика поменялась из-за Ирдена. Он умер неделю назад.

Я тихо присвистнул. Ирден был самым старшим в совете, и основная власть над Братством была сосредоточена в его руках. Он при жизни стал легендой, и я помнил еще со школы, как нам рассказывали о его победах над темными душами. Ирден был единственным, кто за годы практики уничтожил больше двадцати окуллов и остался жив.

Его слово имело серьезный вес. Даже Мириам не обладала такой силой и властью, как этот старикан.

Теперь же в зале Душ освободилось одно место, а вопрос с преемником повис в воздухе. Я не был в Арденау довольно давно, информацию о том, что происходит в совете, получал из писем друзей. И если ничего не изменилось, то сейчас из семнадцати магистров трое могли претендовать на освободившееся место – Павел, Мириам и Николет. Они самые сильные в Братстве, самые старшие и самые опытные. И пускай номинально все магистры равны между собой, лидер, формирующий политику Братства, конечно же есть.

Впрочем, мне все равно, кто будет пытаться (именно это слово) дергать остальных магистров за ниточки. Порой у меня возникает мысль, что магистры и рядовые стражи живут в совершенно разных мирах, которые пересекаются в крайне редких случаях…

Я люблю город, в котором родился. Люблю за то, что он мне дал. За мое призвание в жизни, за людей, ставших моими друзьями, за Гертруду, ставшую больше, чем другом. Арденау – сказка из моего детства. Снежная, пахнущая имбирными и апельсиновыми пряниками, хагжитской корицей и песнями той, кого я уже никогда не вспомню.

В этой сказке была и страшная история, но я даже не могу ненавидеть город за то, что он отобрал у меня. Отца, когда тот вместе с армией отправился в Прогансу, и мать, которая не пережила погромов во время стихийно начавшейся и так же быстро закончившейся эпидемии юстирского пота.

Арденау, город тридцати сообщающихся с морем каналов, высоких набережных, ажурных домов, расписных лодок, прекраснейших тюльпановых парков, янтарных летних дворцов, невероятных фонтанов, знаменитых королевских верфей, оружейных цехов, ветряных мельниц, дамб и… конечно, Братства.

Столицу Альбаланда основали по приказу императора Адриана. Алые легионы воинов маршировали через весь континент, по дремучим лесам и труднопроходимым горам, насаждая среди диких варваров то, что сейчас принято называть цивилизацией.

По приказу одного из легатов воины построили укрепление на берегу моря. Его каждую весну затапливало расплевшим Арэо, а осенью – свинцовыми волнами, которые, точно стадо испуганных овец, срывал с места волк-ветер.

Но завоеватели прошлого оказались упорными. Их не пугала вода и внезапные вылазки светловолосых гигантов с топорами. Они восстанавливали залитое, насыпали холмы, создавали дамбы, меняли русла рек. Им чертовски важно было остаться здесь, укрепиться для того, чтобы двигаться дальше на север и в итоге захватить гигантский остров, который мы сейчас называем Ньюгортом. После каждого наводнения они отстраивали крепость, укрепляли и расширяли ее. Затем у стен возникла деревня, за ней другая, и так до тех пор, пока не вырос город. Постепенно он стал отползать от холодного моря, выставил ряды ярких домов вдоль каналов, которые когда-то были неуправляемой рекой, перекинул через них мосты. Поднял дамбы и набережные, закутался в шубы дубовых парков и подбросил в небо множество шпилей кирх[7].

Многие годы центральной частью Арденау считалась крепость Свешрикинг, которую отстроили на месте укреплений воинов императора Адриана. Но с тех пор, как город начал стремительно разрастаться, она осталась на «окраине», в Старых районах, справа от Селедочного порта. Раньше через укрепления протекал один из двух притоков Арэо, но теперь инженеры спрятали его под землю.

Три кольца крепостных стен, восемнадцать башен, четыре парка и до черта зданий, расположенных на огромной территории, – вот чем сейчас была Свешрикинг.

Почти три сотни лет она служила резиденцией для королей Альбаланда, пока один из династии Роэльз не решил построить себе новый дворец. Подальше от холодных ветров студеного моря, осенней сырости и зимних наростов льда на стенах мрачной твердыни.

Как раз к этому времени Братство выгнали из Прогансу, и уцелевшие магистры искали для стражей новую родину. Дитрих Шестой пригласил нас в Альбаланд, отдав Свешрикинг в вечное пользование. Так у Братства появилась своя школа и новый дом.

Я увидел крепость с площади Нового Дня, когда поднялся с баржи на набережную. Величественные серо-белые стены отражали солнце, возвышаясь над крышами домов с узкими расписными фасадами и высокими окнами.

Карл распрощался со мной, у него еще были в городе дела, а я пошел вдоль канала Господ, миновал мост и шумными проулками вышел к каналу Цветов. Здесь, на причаленных баржах располагался большой цветочный рынок, пользовавшийся популярностью не только среди жителей города, но и у торговцев соседних княжеств. Спрос на тюльпаны и луковицы других экзотических цветов не исчезал, несмотря на то, что прошло сто пятьдесят лет, с тех пор, как альбаландцы выкрали редкие растения у хагжитов.

Внимание Проповедника привлекла румяная блондинка в белом переднике, стоявшая возле прилавка с ящиками, в которых росли ярко-желтые нарциссы. Она улыбнулась ему, и он, на секунду опешив, улыбнулся ей.

– Эм… Я задержусь ненадолго? Хочу пошататься по цветочному рынку и поискать диковинки, привезенные из далеких стран.

– Позже увидимся.

– Пугалу ни слова.

– Оно исчезло с концами.

Страшила, в кои то веки стал осторожен и не спешил показываться на глаза окружающим. Уверен, он появится к вечеру. Вылезет из шкафа, как ни в чем не бывало, покажет мне свой

[7] Кирха – церковь.

очередной нелепый и бесполезный «трофей», добытый во время скитаний, и деловито займет комнату.

Я часто думал о нем в последнее время. Проповедник считал, что в Пугале поселилась темная душа человека, убитого кем-то из Ордена. Пришлось его разочаровать. Мертвые люди не вселяются в предметы. У них нет такой способности. И когда старый пеликан попытался выведать у меня, что же такое одушевленный, я лишь развел руками.

– Ты не знаешь? – удивился тот.

– Не только я. Никто не знает. В предмете просто появляется сущность, превращая его из вещи в… – я помешкал. – Назовем это живым существом. Почему это происходит – до сих пор неизвестно. Одушевленные очень редки для того, чтобы подтвердить или опровергнуть ту или иную теорию.

– Но среди этих редких – темных больше чем светлых.

– Верно.

– Почему так?

– Предметы, которыми убивают других людей, имеют больше шансов стать одушевленными. Например, меч наемника или плаха палача – великолепные вместилища. Но почему одушевленным становится, к примеру, снеговик или огородное пугало – мне неизвестно.

Проповедник хмуро глянул в поле, где в то время прогуливался наш общий друг.

– Если ты так уверен, что в нем нет темной души убитого Орденом Праведности, тогда мне непонятна его ненависть к законникам.

– Ну, после истории на озере Эйсвассер, когда нас обложил Орден Праведности, я могу ответить на этот вопрос. Потому что они представляют для Пугала серьезную опасность.

– Хо-хо! А ты, значит, здесь просто так, погулять вышел. Ты страж.

– Когда мы встретились, я был уверен в своих силах. Но после того как он перенес встречу с Мириам, сомневаюсь, что легко с ним справлюсь.

Теперь Проповедник выглядел немного встревоженным:

– А кинжал?

– Кинжал… – Я развел руками. – Конечно, стражи для него это угроза, но законники… ты просто вспомни, как Эрик уничтожил тех снеговиков, когда мы с Гертрудой едва не потерпели поражение. А Ханна? Ей потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с одушевленными велефа. Орден Праведности опасен для Пугала куда больше, чем Братство.

– Ты думаешь, этот молчальник боится смерти? – от него так и веяло скепсисом.

– Если не смерти то того, что им смогут управлять, как теми снеговиками. Потерять контроль над собой, подчиниться чужой воле… Думаешь, ему это по душе?

– Если только законники, действительно, на такое способны – управлять одушевленными.

– Еще несколько месяцев назад я бы сказал, что «Лезвие дождя» это ерунда, а Орден только и способен, что вставлять нам палки в колеса, но реальность оказалась куда занимательнее. Они умеют гораздо больше, чем мы полагали.

– То есть у Пугала нет ничего личного к законникам? – Проповедник счел себя разочарованным. – Он просто потрошит некоторых из них лишь потому, что боится за свою свободу? Ха! Дырка в твоей теории, Людвиг! Отчего же Франческа тогда не приструнила его?

Я пожал плечами:

– Сперва растерялась и испугалась. А затем… они не так уж и плохо ладили.

Старый пеликан скептически хмыкнул, но сказал совсем не то, чего я от него ожидал:

– Буду приглядывать за нашим общим другом повнимательнее. Быть может, он проявит свою настоящую сущность. – Последние слова он произнес неожиданно низким, замогильным голосом и тут же хихикнул.

Он действительно начал чаще ходить за Пугалом, пока тому не надоело навязчивое внимание и оно попросту не стало исчезать в ближайших шкафах, оставляя Проповедника с носом.

Думая об этом, я проехал через мост Поваров, славный тем, что когда-то отсюда за то, что испортили праздничную сельдь для королевской гвардии, этих самых поваров скинули в канал. Недалеко находился Новый рынок, так что улица была забита народом и телегами. Продвигался я медленно, слушая, как со всех сторон раздается альбаландская речь. Я поймал себя на мысли, что немного отвык от родного языка, слишком долго проговорив на всеобщем.

Свешрикинг давно уже не была крепостью в классическом понимании этого слова. Рвы, а точнее каналы, что ее окружали, заключили в трубы и спрятали под землю, а дома подошли к внешней стене вплотную. Некоторые – образовав с ней единое целое.

Я выбрался на улицу Стражей, которая состояла сплошь из постоялых дворов. Я знал каждое из этих заведений. Где варят лучшее пиво, где подают вкуснейшую копченую сельдь, лучшее вино с пряностями и стейки из телятины, которую выращивали на лугах Бойгелдамма. Пока мы учились, то частенько кутили здесь с утра до ночи и с ночи до утра.

Ворота в Свешрикинге отсутствовали. Король приказал их снять, когда отдавал цитадель стражам. Кроме того, убрали все запорные решетки и цепи с подъемных мостов, вывезли оборонительные и осадные орудия, переместили арсенал. Его величество Дитрих Шестой слыл осторожным правителем, и, если дружбы с Братством не выйдет, не собирался штурмовать собственную крепость, теряя людей.

С тех пор прошло много лет. Арденау уже не мыслит себя без стражей и, конечно же, давно не боится их. Но ворота нам так и не поставили. Ограничились лишь стражниками возле несуществующих створок, чтобы по территории не шатались чужаки.

Караул несли солдаты королевской гвардии в алых мундирах, белых панталонах и блестящих касках, ремешки которых врезались в подбородок. Кроме гвардейцев также присутствовала стража, нанимаемая Братством, – рыжеволосые бородачи в серых куртках, черных штанах и малиновых беретах с соколиными перьями. Северные ньюгортцы с удовольствием нанимались к нам на службу.

Они увидели мой кинжал, и сержанты поклонились в традиционном приветствии. Один из них ударил в колокол, извещая, что прибыл страж.

За воротами я свернул в Журчащий парк, миновал обсерваторию, библиотеку, нырнул в калитку в стене внутреннего периметра, на ходу кивнув солдатам.

Я прошел мимо веселой стайки девушек, отвечая на их улыбки. Четыре светлые души помахали мне и поспешили в сторону школы. Я знал девчонок с одиннадцати лет, когда они только пришли к нам в класс, чтобы помочь ученикам испытывать на них самые простые *фигуры*.

– Быстро ты обернулся. – Проповедник, ожидавший меня под деревьями, прокомментировал: – Аппетитные милашки. Жаль, что знают лишь альбаландский. Не поняли ни одного моего слова, лишь смеялись. Какие у тебя планы?

– Зайти домой, бросить вещи. Поговорить с Мириам. Узнать обстановку. Я здесь ради Гертруды, а ее нет. Так что поеду в Нарару.

Тот посмотрел на меня странно:

– На кой черт, прости Господи? Ты ведь только что оттуда.

– В Барисете сяду на корабль до Дискульте. У меня дела в Билеско. Туда проще добраться через Золотое море, чем через перевалы Кантонских земель, а затем еще и гор юга Литавии. Штормы как раз прекратятся, когда я окажусь на побережье.

– Я, конечно, не против плавания, но выкинул бы ты это из головы. Задавать вопросы законнику… – Он покачал головой. – Это может закончиться крайне плохо. Не для него. Для тебя.

– Буду осторожен.

– Ага, – уныло отмахнулся он. – Верю-верю. Хочешь проявить осторожность – не выкинь из головы все то, что наплел тебе Вальтер. Ему ничего не стоило соврать и заманить тебя в ловушку.

Я направился к огромному зданию, которое, точно белый лебедь, охватывало крыльями своих корпусов Журчащий парк. Дворец построили в этом веке. Здесь были квартиры у некоторых магистров и тех, кто предпочитал жить на территории школы, а не в городе.

Деревянные двери оказались распахнуты, отчего в похожем на бочку холле с высокими, узкими витражными окнами и двумя спиральными лестницами, уводящими вверх, носился сквозняк. Тут я встретил старого слугу в темно-зеленой ливрее. Заметив меня, он чопорно поклонился.

– Господин ван Нормайенн, с возвращением. Вам требуется ключ от комнат?

– Да, Ходерик. Будь любезен.

Сутулясь, он ушел и вернулся через несколько минут, положив мне на ладонь тяжелый стальной ключ черного цвета.

– Если вам что-то потребуется, дайте мне знать.

– Конечно.

– Эта душа с вами? – Ходерик был Видящим.

– Конечно же я с ним! – возмутился Проповедник.

Слуга и бровью не повел.

– Душам запрещено появляться без разрешения на тренировочных площадках стражей и в зале Совета.

– Да знаю я. Знаю. Не появлюсь, – буркнул старый пеликан и первым поспешил к лестнице, бормоча на ходу: – За идиота он меня, что ли, держит?

Я поднялся на пятый, верхний этаж, прошел высоким коридором, где в солнечном свете золотистыми искрами кружились пылинки. Моя дверь, с широкой поперечной царапиной, которую когда-то оставил Ганс после веселой гулянки, ничуть не изменилась за все то время, что меня не было.

Я прожил в этих комнатах почти пять лет, пока учился у Мириам. За стенкой поселили Кристину, но она довольно быстро перебралась поближе к наставнице. Так что два года в этой части корпуса я был один-одинешенек, пока сюда не определили Шуко и Рози. Их дверь располагалась напротив.

– Разор и запустение. – Проповедник проник сквозь стенку и теперь вертел плешивой головой с некоторой долей неодобрения. – Понимаю, что это твое уютное гнездо, но как насчет того, чтобы обосноваться на постоялом дворе?

– Что-то не хочется.

– Так я и думал.

Я оглядел свою берлогу, состоящую из трех просторных комнат. Слишком давно я здесь не был. На мебели лежал толстый слой пыли, а в спальне, в углу, возле потолка, растянулась паутина. Стол был завален книгами. Еще больше громоздилось вдоль стены. На полу кабинета валялись вьюки с одеждой, сундуки были забиты вещами так, что у некоторых не закрывались крышки. В углу, в корзине для тростей, стояли шпаги и рапиры. Часть из них покрыла ржавчина.

Все это барахло создавало ощущение настоящего хаоса.

– Не пора ли избавиться от хлама? – Проповедник заглянул в кабинет с таким видом, словно это был неубранный свинарник.

– Вещи не мои.

– Львенок не будет в обиде. Раз он съехал со своей прежней квартиры и воспользовался твоей добротой, значит, ему все можно? Сколько я с тобой таскаюсь, столько эта дрянь тут валяется.

– Мне они не мешают. Я бываю в Арденау даже реже, чем он.

– Старьевщик по вам плачет.

Дверца массивного дубового шкафа неслышно приоткрылась. Проповедник этого не заметил. Пугало между тем пнуло дверь ногой, та распахнулась, задела высоченную стопку книг, и они с грохотом обрушились вниз. Старый пеликан, не ожидавший ничего подобного, взвизгнул и подскочил.

– Чертов шутник! Я бы умер, если бы только мог!

Оно повеселилось, осмотрело мои хоромы, и взгляд его выражал жалость.

– Тоже предлагаешь мне переехать на постоялый двор? – хмыкнул я.

– Ты дождешься, что это сделаем мы, а тебя оставим среди шмотья Львенка, – пригрозил Проповедник.

– Будем считать, что я испугался. – Я отдернул ситцевые шторы и, повернув медную ручку, распахнул окно, впуская в комнаты свежий воздух. – Но я не против, если вы наведете порядок, коли вас что-то не устраивает.

С таким же успехом я мог попросить Мириам сварить мне бульона. Проповедник лишь фыркнул да завалился на кровать, а одушевленный расчистил угол возле стола, уселся на пол, вытянув тощие ноги и надвинув соломенную шляпу на одутловатое лицо. Было видно, что здесь ему скучно, оно не ждет ничего интересного и мечтает «убраться в поля», где покойников, убийств и приключений гораздо больше, чем в школе Братства.

Из коридора раздался приглушенный грохот, и я выглянул туда. Дверь напротив оказалась приоткрытой, и из-за нее доносилась приглушенная ругань.

Ругались, что характерно, на цыганском. Я стукнул в косяк, лишь для того, чтобы обозначить свое присутствие, вошел.

– Вот это да! – произнес порядком набравшийся Шуко. – Людвиг, ты последний из всех, кого я ожидал здесь увидеть. Выходит, не зря я уронил эту чертову хрень.

Полный рыцарский доспех лежал на полу. Именно грохот его падения я слышал.

– Проклятущая рана. Из-за нее я стал неловким. – Он помахал правой рукой, которая оказалась забинтованной так, что не было видно даже пальцев.

– Думаю, из-за того, что ты в стельку пьян.

– Людвиг, не неси чушь. Если бы я был в стельку пьян, то спал бы, а не говорил с тобой. Мой старый добрый друг. – Шуко подошел к серванту, на котором стояли две бутылки вина. Одна из них была открыта и опустошена наполовину. – Если бы ты только знал, как я чертовски рад твоему приезду. В этом гнезде лживых шакалов, унылых идиотов и кислых ублюдков поговорить я мог лишь с бокалом.

– Давно ты в Арденау? И что у тебя с рукой?

– Кажется, уже целую вечность. Не помню. Да и какая разница? А с рукой… драка. Веселился в таверне, один тип криво посмотрел. Слово за слово – он, как оказалось, умел держать нож и повредил мне пальцы. А я расписал его рожу бритвой.

Он начал разливать вино по стаканам, насвистывая себе под нос. Шуко так и не смог измениться. И пошел после смерти Рози по пути разрушения. Чересчур много пьет и все время лезет на рожон, словно ищет того, кто мог бы его прикончить. Мой разговор с ним прошлым летом ни к чему не привел.

– Надо полагать, ты достал магистров, и тебя отозвали.

Шуко глянул на меня исподлобья:

– Не скажу, что они были не правы. Людвиг, не будь таким же кислым, как Проповедник. Вокруг и без тебя все хреново. Гертруда слишком заботлива, то и дело проверяет, не залез ли я в петлю. – Он рассмеялся и повернул голову на скрип. – А… это ты. Все еще жив?

По взгляду Пугала было понятно, что оно спрашивает о том же самом. Они с трудом переносили друг друга. Одушевленный до сих пор помнил, как в Солезино Шуко хотел уничтожить его.

– Я вроде тебя не приглашал.

Пугало вышло, с грохотом захлопнув за собой дверь. Цыган хмыкнул, сделал большой глоток.

– Эта тварь, Людвиг, вопиющее зло. Опаснее Тигра Пауля и вряд ли поддается дрессировке.

– Почем тебе знать?

Он пожал плечами:

– Предчувствие. Не призываю тебя его прикончить. Но прогони прочь.

– И что будет дальше? Оно станет добрее?

– Да плевать. Тебя поблизости не будет, и оно хотя бы не перережет тебе горло, пока ты спишь.

– Это давно бы уже случилось. Как видишь, я пока жив.

Вновь пожатие плечами:

– Дело твое. Но хочу, чтобы ты знал. Это я рассказал о нем магистрам.

Я прищурился:

– Не похоже на тебя.

– Трепать языком или лезть в чужие дела? – Он усмехнулся. – Прости, Синеглазый. Причина глупа и банальна. Я был не в форме и ляпнул лишнее. Я действительно виноват.

Его темные глаза стали необычно серьезны. «Не в форме», как видно, означало перебор с вином.

– С этой неприятностью я справлюсь. Но, проклятье, Шуко, ты наворотишь дел, если будешь продолжать в том же духе.

Он сумрачно кивнул:

– Ты был прав тогда, в Риапано. Рози мое пьянство не вернет. За последний год я достаточно натворил глупостей.

– Меня радует, что ты хотя бы задумываешься над проблемой.

Шуко покачал головой:

– Когда просыпаешься с раскалывающейся от боли башкой и начинаешь узнавать о том, что ты говорил, лишь из рассказов других, проблема встает перед тобой во весь рост деревьев Кайзервальда. Сегодня прощание с моими лучшими подружками. – Он кивнул на две бутылки. – Пора найти новую и куда более интересную цель в жизни. Начну с того, что упрошу магистров отправить меня в Золян.

– Тогда уж сразу в Темнолесье или на Волчьи острова.

– Не смейся. Золян достаточно далеко от привычного мира. Восток, дикие места, дикие люди. И как можно меньше воспоминаний о прошлом. Эти стены слишком сильно давят на меня. А там, за работой, у меня не будет времени думать о том, что случилось.

Вино в наших бокалах закончилось, и он налил еще, отставив пустую бутылку в сторону.

– Ты не сможешь убежать от прошлого, Шуко. К сожалению, ни у кого это не получилось.

– Скажи то, чего я не знаю! – махнул он рукой. – Сперва я считал, что в смерти Рози виноват Пауль. Ему нельзя было разделять нас. Затем винил себя… До сих пор виню. Мне не следовало отпускать ее с ним и идти с тобой в ту больницу.

– Зачем вы втроем приехали в Солезино, Шуко?

Цыган посмотрел задумчиво, и я добавил:

– Точнее, вчетвером. Кристина ведь тоже там была?

– Да, была. Уехала сразу после землетрясения, до того, как началась эпидемия юстирского пота.

– Вы ходили к зданию Ордена?

Он удивился вопросу:

– Я? На кой черт? У нас с Рози дел было невпроворот. Ходила Кристина. Сказала, что ей следует представить отчет магистрам, поэтому тем же вечером уехала.

Угу. И, судя по имеющимся у меня сведениям, среди развалин она нашла клинок работы темного мастера, принадлежавший кому-то из законников.

– Кристина уехала, приехала Гертруда.

– А она там ради чего появилась? – нахмурился я.

– Забыл письмо, которое она просила тебе передать? Была. В Соврено. Это лиг сорок от столицы. Твоя ведьма примчалась к нам, когда появились первые заболевшие. Рози ей написала, нам требовалась помощь, так как в городе стало появляться слишком много темных душ, а Гертруда оказалась ближайшим стражем. Но пробыла она с нами всего два дня. Ее вызвали в Арденау, а тебя направили к нам.

Примерно это я и предполагал. Гертруду призвали для того, чтобы предложить должность магистра Братства. И теперь я, кажется, знаю, почему она так быстро согласилась.

Шуко тем временем взял вторую бутылку.

– «Барбареско», – прочитал он на этикетке. – Виноградники недалеко от Солезино… Этот проклятый город продолжает преследовать нас даже здесь.

Я знал это вино. Красное, терпкое и пряное. Его делали из лучшего винограда Каварзере. Он рос на склонах Мраморных холмов, за старой дорогой императора Нерула. Сейчас «Барбареско» стало большой редкостью. Со времен эпидемии вина в этой стране больше не делают.

– Думаю, на сегодня вполне достаточно.

– Ерунда, – махнул он рукой. – Это последняя бутылка. Завтра я иду к нашим великим руководителям и прошу пинком отправить меня в Золян. Уверен, они не откажут.

Я не стал настаивать. Понимал, что не смогу его переубедить, к тому же Шуко взрослый человек и сам знает, что делать. Вино, которое он налил в мой стакан, оказалось не красным, а бордовым, почти синим. Я сделал первый глоток, ощущая терпкий аромат на языке.

– Эти сукины дети создавали превосходное пойло, пока не передохли, – оценил Шуко.

– Где ты добыл бутылку?

Он поморщился:

– Можно сказать, что это подарок. Еще одна причина, чтобы свалить отсюда.

Страж увидел, что я не понимаю:

– Вчера узнал то, чего не стоило бы знать. Кое-кто из наших братьев гораздо грязнее на руку, чем можно было предположить. Не спрашивай. Даже вспоминать не хочу. Мне до смерти надоела ложь. Нас с детства убеждали, что быть здесь – это честь. Что наша работа важна, что мы единственный щит, закрывающий обычных людей от тьмы, которая ходит рядом с нами. Но на самом деле мы ничуть не лучше Ордена. Ты думал об этом?

Я задержал вино во рту, ощущая, как по языку расползается солнечное тепло одного из лучших виноградников мира, затем ответил:

– Думал. Ты прав. Мы ничуть не лучше законников. Преследуем свои цели, лжем, темним, убиваем и ищем выгоду. Все слова о том, какие замечательные мы, и как плохи другие, хороши, когда тебе пятнадцать. Взрослая жизнь обычно расставляет все по местам. Для учеников Ордена мы всегда остаемся преступниками. И ровно наоборот – в школе не забывают повторять, насколько опасны законники для нас. Но по сути своей это не мешает стражам отправлять темные души туда, где им самое место.

– Возможно, ты и прав…

Шуко кашлянул в кулак и продолжил:

– Черт с ними со всеми. В мире полно темных душ, а с тем, кто лучше или хуже, пускай разбираются другие.

Внезапно его скрутил сильный кашель.

– Ты в порядке? – спросил я.

Цыган махнул рукой, мол, ерунда, не переживай, и, захрипев, с грохотом рухнул со стула на пол. Я бросился к нему, перевернул его на спину и увидел на губах бледно-желтую пену.

Я схватил его голову, чтобы он не разбил себе затылок из-за внезапного припадка.

– Все… нормально… пройдет. Сейчас… пройдет, – сквозь хрипы сказал он мне и попытался улыбнуться.

Меньше чем через минуту он был уже мертв.

Было душно, несмотря на распахнутые окна и дверь.

Долговязый Павел сидел на корточках перед Шуко, положив длинные руки на колени, и внимательно, точно ящерица, изучал тело. Гипнотизировал его взглядом, словно в любой миг ожидая, что цыган вскочит, рассмеется и скажет, что это всего лишь розыгрыш.

Он поднял взгляд, лишь когда пришла Мириам. Стремительная и резкая, она взметнула широкими юбками воздух, точно ветер, ворвавшийся в окно, едва не врезалась в меня, и я увидел, что в ее льдистых глазах таится тревога.

Мы не встречались с прошлого лета, и я был неприятно поражен тем, как изменилась моя учительница. Она выглядела уставшей, появились новые морщинки, губы стали тоньше, а щеки более впалыми. Между тем у нее все еще была волевая осанка и напор, который мог уничтожить даже горы. Возможно, если бы я не знал, что ее изнутри поедает болезнь, и магистр медленно, но верно проигрывает с ней битву, то не заметил бы никаких изменений.

– Я рада видеть тебя живым, – негромко произнесла она.

Сразу же за ней пришел Стёнен. Он был необъятно-толстым, с огромным выпирающим животом, складчатым затылком, покрытым рыжим пушком, с закрученными песочными усами и бородой. Передвигался он с трудом, опираясь на внушительную трость из черного дерева, все время отдувался, потел и сопел.

– Что произошло? – спросил он.

– Яд, вне всякого сомнения, – произнес Павел, встав резко, точно внутри него распрямилась пружина.

– Сомневаюсь. – Мириам заметила, что на столе стоят два стакана. – Ведь ты же пил, Людвиг?

– Да.

В следующее мгновение она оказалась слишком близко ко мне, чтобы я успел отстраниться, бесцеремонно взяла стальными, точно когти дракона, пальцами за подбородок:

– И как ты себя чувствуешь?

Я мягко убрал ее руку:

– Не планирую умирать, если ты об этом.

– Но он мертв. А ты нет. – Взгляд Павла мне не понравился. Так смотрит ящерица на еду. – Было бы неплохо получить логичное объяснение, почему ты жив, ван Нормайенн. Если, конечно, ты, действительно, пил вино.

– Я нечувствителен к большинству ядов.

Это было так. Благодаря тому, что со мной сделала София. Второй раз это меня спасает. Сначала пойло старг, теперь отравленное вино.

– Я говорил о логичном объяснении.

– Иного, прости, у меня нет.

– И как же ты приобрел столь полезные свойства?

– Гертруда помогла.

Стенен усмехнулся в усы:

– Хорошо дружить с колдуньей. Это яд, Павел. Можешь не сомневаться. Даже название тебе скажу. – Он указал тростью на бледное лицо Шуко. – Желтые губы признак туманной ягоды. Хорошая отрава, хоть и действует не сразу.

Павел взял со стола бутылку и вылил ее содержимое в окно.

– Ненавижу отравителей. С новым днем рождения, ван Нормайенн.

– Нет повода для радости. У кого-то его уже не будет.

– Довольствуйся малым. Ты жив. Цыган превращался в залитую алкоголем свинью, и вино в конце концов его убило. Пускай и несколько иначе, чем я рассчитывал.

Я шагнул к нему, но Мириам положила ладонь мне на плечо, останавливая. На тот случай, если я не понял намека, она сжала пальцы, вцепившись в меня, точно гриф в кусок мяса.

Ну да. Она права.

Стенен хмыкнул в усы:

– Не обращай внимания на Павла, ван Нормайенн. Он как змея, редко испытывает привязанности. Если, конечно, дело не касается его учеников.

Павел скривился:

– Пора уже успокоиться. Калеб не получит Тильду.

Стенен, который являлся бывшим учителем Калеба, философски пожал плечами:

– Это решит совет.

Мириам тихо фыркнула:

– Вы как подростки. До сих пор грызетесь из-за красивых глаз, которые все равно вам не принадлежат. Совет поддержит Павла. Это всем понятно. Давайте оставим эту ерунду и обратимся к более серьезным делам. Кто принес вино, Людвиг?

– Шуко. Ему подарил кто-то из стражей.

Магистры переглянулись.

– Он сказал, чей это подарок? – Толстяк тяжело оперся на трость.

– Нет.

– И причину не назвал? Должен быть повод для дара.

– Не назвал.

Собственно говоря, я и не врал. Шуко не сказал мне ничего конкретного.

Стенен задумчиво кивнул и вынес решение:

– Никакого яда не было. Страж умер. Сами придумайте почему. Так как болезни к нам не липнут, пусть он свернет шею на лестнице из-за того, что много выпил. Не смотри на меня так, Людвиг.

– Ты хочешь сделать его пьяницей.

– Он и был им, – жестко ответил Павел. – Нам не нужны слухи. Не тогда, когда в школе двое законников. К тому же убийство одного из нас может напугать учеников. Случайная, глупая, вне всякого сомнения, очень печальная смерть, а не убийство. Я согласен со Стененом. Мириам?

– Это разумно.

– Решено. – Толстяк отлип от стены. – Как только законники уедут, начнем расследование. Счастливо оставаться.

Он протиснулся в дверной проем и ушел, предоставив нам разбираться с проблемой, которая перестала его волновать.

Мириам взглянула в окно:

– Мне тоже пора. Людвиг, окажи мне услугу, сходи к башне Сов, дождись Эрика и приведи его, пожалуйста, в зал Стрел.

– Сейчас?

– Да. Прибыла делегация из Ордена. Гертруды нет, я не могу, а тебе он доверяет. Павел?

– С телом разберусь, – хмуро ответил тот и, когда моя учительница вышла, сказал мне:

– Хуже нет, когда замешаны свои. Впрочем, чего удивляться. На моей памяти, страж убивал стража трижды. Но для убийства нужна веская причина. И я бы очень хотел ее знать. – Он вновь склонился над телом. – Иди, ван Нормайенн, иди. У тебя полно дел. Печалиться о мертвых будешь, когда станешь старым и ни на что негодным. А пока займись чем-нибудь полезным.

– Займусь. – Я не спешил уходить, так как меня интересовало еще кое-что. – Как Бент?

Павел удивился моему вопросу и ответил несколько грубо:

– Рука у него не отросла, если ты об этом. Я оставил его с братом в Лезерберге.

– А Тильда?

– Здесь. Хотя я бы предпочел, чтобы она была подальше, пока совет решает ее судьбу. Скажу, что ты передавал ей привет. – Следующие слова он произнес, когда я уже собирался выходить: – Знаешь, ван Нормайенн… Давно собирался тебе сказать, да все случая не представлялось. Я хотел взять тебя в ученики после твоего выпуска.

– Действительно, дело более чем прошлое. Надо думать, Мириам тебя опередила.

Магистр скривился:

– Ей было тяжело удержаться. По сути говоря, ты ни черта не был нужен нашей королеве и стал ее учеником лишь потому, что ей показалось смешным насолить мне.

Я остался равнодушен к полученной информации.

– Немного не понимаю, к чему мне эта новость. Если ты считаешь, что я не знаю, как порой Мириам относится к людям, которых она учит, то ошибаешься. Я знаю ее гораздо лучше многих.

Он пожал костлявыми плечами:

– Я лишь к тому, что тогда увидел в тебе перспективу. Вижу и теперь. Предложение, которое я озвучил тебе в Чергии, в силе. В совете освободилось место магистра. Я предлагаю тебе получить кольцо и войти в круг тех, кто решает судьбу Братства. Дай знать, если заинтересуешься.

Здания школы занимали всю внутреннюю часть крепости. Здесь располагалось несколько корпусов, где жили ученики разных возрастов.

Справа от меня высилось сложенное из серых камней Гнездо Соловья, в котором селили мальчишек. Прямо через площадь, сразу за садом, белело Гнездо Сойки – корпус для девочек. Оба здания, так не похожие друг на друга, соединялись переходами с главным корпусом школы – бывшим дворцом короля. Он больше напоминал готический собор, со множеством башенок, узких как языки пламени, западным фасадом с огромным, в четыре этажа, круглым витражным окном. Из северного крыла, украшенная хагжитскими фениксами, точно чертополох, вырастала высокая башня обсерватории со стеклянным куполом. Ее закончили строить, еще когда я учился.

Солнечный свет, мягкий и теплый, касался клумб, на которых уже расцвело множество цветов, ослепительными бликами отражался от бронзовых статуй львов, стоящих по периметру площади, сверкал в стеклах зданий и окрашивал башню Сов в нежно-розовый цвет. Она сейчас действительно очень походила на остроухого филина, со своими разноцветными глазами-циферблатами – где на правом, белом с черными стрелками, указывалось обычное время, а на левом, темно-кобальтовом со стрелками золотыми, всем желающим показывали, через сколько дней у последнего курса начнутся выпускные экзамены. До момента, когда новые стражи получат кинжалы, сейчас оставалось шестьдесят три дня.

Вокруг было пусто, шли уроки, и мы с Проповедником пребывали в одиночестве. Лишь раз мимо нас пробежали трое учеников лет пятнадцати, опаздывающих на занятия. В нашу сторону они взглянули с интересом, но и только.

– Здесь царит умиротворение, – сказал мне старый пеликан. – Хотя порой возникает какое-то неприятное чувство, когда я смотрю вон туда.

Он указал на полукруглую арку, ведущую в дальнюю часть школы.

– Тренировочные залы, – рассеянно проронил я. – Там учат сражаться.

Проповедник прищурился:

– Хочешь сказать, что вы держите темные души в клетках и выпускаете, когда надо?

– Ну, не в клетках… хотя неважно. Суть ты передал точно. Старшим курсам нужна практика. А искать каждый раз подходящий объект слишком непросто.

Он помолчал, глядя, как свиристель прыгает по краю фонтана.

– Мне жаль Шуко. Как-то это все… нелепо. Умереть от яда, который подсунул кто-то из своих. Ты будешь искать убийцу?

– А как ты думаешь? – Я не смотрел на него.

– Будешь. Иначе это не ты. С чего начнешь?

– С Эрика. Отведу его к Мириам. И еще надо решить вопрос с похоронами.

– Он бы, наверное, хотел лежать рядом с Рози.

– Розалинда за тысячи лиг отсюда. В Солезино.

Проповедник цокнул языком:

– В большей степени не важно, где зарыты кости, когда души рядом, в раю.

Я не стал комментировать это утверждение.

– Яд оружие трусов, – мягко начал он.

– Не надо банальностей, Проповедник, – поморщился я. – Трус, женщина, клирик… Это все шаблоны, которые с жизнью имеют мало общего. Яд это оружие. И частенько очень эффективное. Некто хотел заткнуть рот Шуко, и у него это получилось. А я жив лишь благодаря Софии. Иначе бы вместо одного мертвого стража было двое.

Свиристель сорвалась с места, устремилась через сад к Часовой башне, и мы проследили за ее полетом.

– Вот он! – оживился Проповедник.

Я увидел лопоухого мальчишку, спешащего к воротам школы, и, сунув пальцы в рот, громко свистнул. Звук рванул вверх и вперед, отразился от крыла Гнезда Соловья, разнесся над садом и привлек внимание не только паренька, но и слуг, садовника и трех гвардейцев, обходивших по периметру площадь.

Ребенок остановился, прищурился, узнал меня и улыбнулся.

– Людвиг, я так рад, что ты приехал! Привет, Проповедник.

Я с серьезным видом пожал ему руку:

– Здравствуй, Эрик.

– А где Пугало?

– Где-то бродит. Думаю, вы увидитесь и сыграете на щелбаны. Как твое обучение?

– Идет, но со скрипом, – серьезно ответил тот. – Гертруда говорит, что я потерял не один год и сильно отстаю от других. Они-то учатся быть стражами с шести лет.

Я представляю, о чем он говорит. Вне всякого сомнения, Эрик многое знал и многое умел, но все его знания получены в Ордене, а не в Братстве. У него сильнейший дар и несомненный талант, но научиться вязать *фигуры* силой мысли не так-то просто. Поэтому магистры назначили ему дополнительные занятия, и он тренировался с утра до ночи и с ночи до утра.

– Учиться нравится?

– Конечно. Хотя не так весело, как летать на волшебном петухе. – Он ухмыльнулся, посмотрел на часы. – У меня сейчас теория *знаков*.

– Придется пропустить. Тебя вызывает Мириам.

Эрик с подозрением нахмурился:

– Если я не появлюсь, госпожа Юдит открутит мне голову.

Я помнил Юдит. Невысокая, черноволосая, зеленоглазая. Она была младше меня на один курс и всегда больше хотела учить других, чем сражаться с душами.

– Не открутит. Магистр с ней договорилась.

– Мне нравится госпожа Мириам. Ну не так, как ты или Гертруда, но с ней интересно. Она внимательно слушает и много знает.

Это было нечто новенькое. В разноплановости Мириам, разумеется. Обычно она никогда никому не нравится. Когда магистр предложила мне стать ее учеником, то дала время для принятия решения лишь до вечера. Львенок и Ганс, узнав об этом, покрутили пальцем у виска.

– Сожрет тебя лучше любого окулла, приятель, – предупредил меня Вильгельм.

Ганс серьезно кивнул:

– У нее уже месяц учится девчонка с параллельного курса. Ты помнишь ее? Кристина. Говорят, она ночами плачет от того, как эта стерва с ней обращается. Уверен, что хочешь попасть к такому чудовищу? Любой другой старший возьмет тебя к себе.

– Она лучшая, – подумав, ответил я. – А значит, и научит меня лучше других. А дурной характер я как-нибудь переживу.

Тогда я даже не знал, на что соглашаюсь, хотя теперь вспоминать это забавно.

Мы вдвоем пошли по садовой дорожке. На ходу Эрик обернулся к оставшемуся сидеть Проповеднику:

– А ты?

– Идите, – махнул он. – Я тут погуляю. Не хочу без причин лезть на глаза магистрам и законникам.

Мальчишка посмотрел на меня с подозрением:

– Законникам? Ты ведешь меня к ним?

– Да, – не стал я отрицать, «благодаря» про себя старого пеликана. – Представитель Ордена сейчас в Арденау. У него письмо с разрешением из Риапано. Ему позволено убедиться, что с тобой все в порядке и ты находишься здесь по доброй воле.

– Почему Церковь приказывает вам?

– Потому, что это Церковь. – Это был самый простой ответ.

– Этот представитель… он думает, что вы съели меня? – ворчливо спросил Эрик, делая широкие шаги, чтобы не отставать.

– Нет. Но они не теряют надежды на то, что ты передумаешь и захочешь вернуться.

– Не передумаю, – с ожесточением ответил мой спутник. – Ведь магистры не отдадут меня обратно, правда?

– У них и мыслей таких нет, – успокоил я его, хотя, если честно, не мог с уверенностью говорить о том, что в головах у большинства магистров. – Никто тебя никому не отдаст. Не нервничай.

Он спрятал руки в карманы:

– Жаль, что Гертруда уехала.

– Поверь, приятель, я жалею об этом не меньше тебя.

Эрик хихикнул и сменил тему:

– Жду не дождусь, когда мне дадут мой собственный кинжал. Только после этого законники наконец-то успокоятся из-за того, что я от них сбежал. Ведь так?

Я глянул на него сверху вниз:

– Хочешь правду?

– Было бы неплохо. Для разнообразия. Большинство стражей считают меня маленьким ребенком.

– Они никогда не успокоятся, Эрик. За все сотни лет своей истории Орден еще ни разу не упускал никого из воспитанников. И они не переходили в лагерь… – Я хотел сказать «врагов», но в последний момент подобрал более подходящее слово. – Конкурентов.

Он снова шмыгнул носом и сказал серьезно:

– Я смогу это преодолеть. Стражи ведь часто сталкиваются с трудностями.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

Мы прошли через калитку Надзора – полукруглые бронзовые створки, ограничивающие выход учеников за пределы школьной территории. Здесь тоже была охрана – трое стражников и с ними один из наблюдателей, как у нас называлась эта должность. Немолодой человек в бархатном камзоле, с толстой серебряной цепью на груди строго посмотрел на Эрика, но я служил для мальчишки прекрасным пропуском, и он с поклоном, по старой традиции, распахнул калитку, громко сказав:

– Один ученик выходит! Один ученик!

Стражник мелом начертил на висящей доске вертикальную палку. Калитка за нами захлопнулась.

– Как в тюрьме, – хмыкнул Эрик, впрочем без всякого недовольства. – Почему нам нельзя покидать школу, пока идут занятия?

Я пожал плечами:

– Сейчас это больше традиция. Раньше – предосторожность. После раскола, когда правила еще не были выработаны, стало непонятно, что делать с детьми, у которых есть дар. Все члены бывшего Братства, и те, кто в нем остался, и те, кого теперь называют законниками, искали учеников для себя. Не было никаких норм и правил приема, поэтому за таких, как ты, порой приходилось драться.

– И нас похищали? – Он все быстро понял.

– Да. Пока ситуация не стала превращаться в настоящую войну. Тогда вмешалась Церковь и всех разогнала. – Я скорчил страшную рожу, и он рассмеялся. – К тому же после Прогансу… кстати, ты вообще в курсе событий?

– Ага, – степенно кивнул мальчишка. – Нам преподают историю стражей. Дважды в неделю.

– В общем, после той истерики многие потеряли доверие к стражам. Слухи ходили самые разные и большинство из них были далеки от реальности. Так что у некоторых людей появилось желание убить стража. Взрослые могут за себя постоять в отличие от детей.

– Я не ребенок.

– Хорошо, – покладисто согласился я. – Но таких, как ты, следовало защищать. Поэтому учеников стали охранять. Но теперь это дело прошлое. Сейчас вас никто и пальцем не тронет. За младшими классами присматривают, конечно, а старшие, как ты успел заметить, могут беспрепятственно ходить по всей крепости и Арденау.

– Поскорее бы и мне такой свободы.

Я с иронией глянул на него:

– Любишь торопить события?

– Просто хочу кинжал. Такой же как у тебя.

– Ого! Ну это точно не получится. Я никогда не видел одинаковых кинжалов.

Эрик кивнул, соглашаясь со мной:

– Почему они разные?

– Так решает кузнец. Он сам знает, что лучше подойдет каждому из нас, и пока еще ни разу не ошибся.

Мальчик задумчиво хмыкнул, обдумал полученную информацию и поинтересовался:

– Он волшебник? Раз по капле крови может понять, что нужно стражу?

– Не знаю. Никогда не встречался. Раньше один из них жил в Прогансу, рядом с Братством, но после раскола Церковь вывезла его и спрятала. Говорят, они даже сомневались, стоит ли вручать нам кинжалы и дальше.

Эрик посмотрел на меня с сомнением, словно не верил в такую глупость.

– Но довольно быстро в Риапано поняли, что, если уничтожить наследие императора Константина, вокруг разведется такое количество темных душ, что с ними уже никто не справится.

– На истории нам говорили, что раньше кузнецы жили прямо в Братстве, рядом с Прогансу, и стражи с ними беседовали.

– Легенд очень много. Кто-то считает, что есть две семьи кузнецов, кто-то, что это одиночка, который передает свое мастерство следующему ученику. Но да, раньше, до раскола, кузнец был ближе к нам, чем теперь.

– Интересно, где он живет сейчас?

Я вспомнил серые стены монастыря и возвышающиеся над ними снежные пики.

– Не знаю, приятель. Да и так ли это важно?

Он потер шею:

– Ну, мне было бы любопытно посмотреть, как он кует такое интересное оружие. Быть может, когда-нибудь в Риапано поймут, что стражи не опасны, и позволят нам с ним общаться снова. Хотя в Ордене мне говорили, что больше такой ошибки не повторится. А правда, что порой кузнец ковал вторые кинжалы для тех, кто его очень просил? Он считал, что это облегчит стражам работу, а те, в свою очередь, просто собирали светлые души?

– Не знаю, – вновь ответил я. – Хотя мне думается, что это неправда.

– Почему?

– Потому, что тогда не было нужды во втором кинжале, так как Братство было единым и Ордена Праведности не существовало. А значит, не от кого было прятаться.

Он ухмыльнулся.

– Валяй, – подтолкнул я его. – Что смешного я сморозил?

– Ты ошибаешься.

– Так озвучь мою ошибку.

– На уроках истории этому не учат, но я думаю, что кинжалы стражей проверяли сами стражи. Другие в смысле. Чтобы первые собирали только темные души. Иначе как у Ордена появились такие знания?

– Хм… – пробормотал я, но Эрик уже забыл о разговоре, разглядывая Стрелу Совета – первый донжон крепости, который благодаря искусству лезербергских каменщиков уже ничуть не напоминал оборонительную башню и укрепление. Шершавые стены, так похожие на рыбью чешую, уходили вертикально вверх, затем закручивались на половину спирали и резко сужались, превращаясь в островерхую крышу.

Встреча должна была состояться на четвертом этаже, темном и мрачном, украшенном портретами магистров прошлого, старыми знаменами и чучелами иных существ. Эрика заинтересовал пожелтевший визаган верхом на огромном, поеденном молью кабане с коричневыми блестящими пуговицами вместо глаз.

– Ух ты! А это кто?

– Потом, – ответил я, положив ему руку на плечо и увлекая за собой.

Мы довольно сильно опаздывали.

– Этот мальчик голый!

– Этот мальчик, будь он жив, скушал бы тебя на завтрак, а из оставшихся костей сделал бы погремушку для своих детей.

– Визаган! – догадался он и все время оборачивался, пока мы спешили по полутемному коридору, который большую часть времени стоял всеми забытый и заброшенный. – Нам рассказывали о них на естествознании! Людвиг, а ты встречался с такими?

– Да. И даже одного спас.

– Ух ты! Но они же опасны!

– Не для меня.

– Ух ты! – вновь повторил он, но я не понял, к чему это относится больше, к моей уникальной личности или к лохматому ругару в линялой шкуре, стоящему на двух ногах в самом темном углу и тянущему когтистые лапы ко всякому проходящему рядом с ним.

Я потянул за бронзовое кольцо тяжелую дверь, верх и низ которой были украшены разноцветными стеклышками, и мы с Эриком вошли в небольшой круглый зал со сводчатым потолком, полом из тусклого малахита и высокими стреловидными окнами, полукругом занимавшими всю восточную стену.

Я кожей ощутил разлитое здесь напряжение. Трое стражей стояли возле низенького столика. Мириам, единственная присутствующая на встрече магистр, была холодна как лед, и на ее лице не отражалось никаких эмоций.

Высокий Йотан, каштановолосый, заросший бородой точно медведь, сложив мощные руки на груди, смотрел на все происходящее словно со стороны. На его угрюмом лице читалось, что он хочет вышвырнуть законников в окно. И в довершение ко всему, сбросить на них тяжеленный трон, находящийся в углу.

Похожий на утомленного трактирщика Иоганн, с серым лицом и редкой растительностью на голове, то и дело нервно облизывал губы. Было непонятно, чего он хочет больше – уйти отсюда как можно скорее или воткнуть свой кинжал в одного из представителей Ордена.

Законников оказалось двое. Женщина лет тридцати в дворянском платье, с бледной кожей и собранными в тугой пучок пепельными волосами. Ее можно было бы назвать красивой, если бы она не выглядела такой уставшей. Вторым гостем оказался мой старый знакомый, Клаудио Маркетте. Кроме этих двоих присутствовал еще один человек – в обычной одежде, с незапоминающимся круглым лицом.

С ним я тоже встречался несколько раз, но так и не знал его имени, кроме того что он являлся личным поверенным кардинала ди Травинно.

Мальчик, заметив гостей, замедлил шаг.

– Здравствуй, Эрик, – дружелюбно поздоровался законник. – Ты конечно же помнишь меня?

Он взял неправильный тон, слащаво-покровительственный, даже сюсюкающий, а я знал, что мальчишка терпеть этого не может.

– Помню, – мрачно ответил тот. – Герцог Удальна указал вам на дверь.

– Было такое. – Господин Маркетте ничем не показал, что его задели эти слова. – Этого человека ты тоже помнишь? Господин Рудольф был тогда у его светлости.

Эрик покосился на невозмутимого слугу Церкви. Кивнул. На этот раз дружелюбно. И мужчина ответил на приветствие улыбкой, хотя его глаза оставались такими же холодными и непроницаемыми.

– Кардинал ди Травинно прислал его, чтобы он был независимым наблюдателем во время нашей беседы.

Да. Чтобы ни мы, ни законники не сказали потом, что мальчика принуждали выбрать ту или иную сторону. Очень разумно.

– И госпожу Бладенхофт ты, конечно, знаешь.

– Она моя бывшая наставница. – Тепла в голосе Эрика не прибавилось, а подозрительность возросла, и он посмотрел на Мириам, ожидая объяснений.

– Эти господа приехали убедиться, что с тобой все в порядке, – ответила та, тоном показывая всем присутствующим, что считает подобное глупостью.

– Со мной все в порядке. Можете ехать обратно.

– Прежде чем сделать это, мы должны быть уверены, что тебя не обижают, что ты здесь по своей воле и не желаешь вернуться, – поспешно произнесла законница.

– Не желаю. Теперь я могу идти?

– Потерпи немного, – попросила мальчика Мириам. – У наших гостей есть еще вопросы. Лучше решить их прямо сейчас.

– Это очень любезно с вашей стороны, госпожа фон Лильгольц. – Я чувствовал какое сильное раздражение испытывает Бладенхофт из-за того, что ей приходится выступать в роли просителя. – Но чтобы решить наше маленькое дело, разве требуется столько стражей?

В ответ Йотан с иронией произнес, спрашивая, судя по его взгляду, у кого-то невидимого:

– Неужели мы кому-то мешаем? В кои-то веки поменялись ролями.

Его слова проигнорировали, а Мириам холодно отчеканила:

– Все присутствующие находятся здесь по моей воле, как магистра, который сейчас говорит за все Братство. Господин Ульфонсен, – она кивнула на Йотана, – наставник класса Эрика. А господин Фолетц уже три месяца исполняет обязанности директора школы. Без его участия посторонние не имеют права общаться с детьми.

Иоганн примиряюще улыбнулся, пытаясь растопить морозный воздух, оставшийся после слов моей учительницы:

– Таковы правила, господа. Правила и традиции.

– Конечно, – сухо ответила ему госпожа Бладенхофт. – Но, насколько мне известно, господин ван Нормайенн не является преподавателем школы, наставником Эрика и не отвечает за руководство Братства. Его присутствие здесь необязательно.

– Он останется! – безапелляционно заявил Эрик. – Если бы не он, черта с два я бы сюда пришел!

– Эрик! – нахмурилась Мириам, и тот сразу же потупился.

– Простите, госпожа магистр. Я не хотел никого оскорбить.

– Думаю, господину ван Нормайенну лучше остаться. – Мириам не скрывала улыбки и смотрела на законницу с насмешкой. Той пришлось сделать над собой усилие и проглотить еще одну горькую пилюлю.

Мессэре Маркетте взял слово, стараясь загладить затянувшуюся паузу.

– Эрик, я хотел бы от всего Ордена извиниться перед тобой за те неприятности, что произошли несколько месяцев назад, – вкрадчиво произнес он. – Мы постарались исправить ситуацию. …Не только перед тобой, но и перед твоими родственниками, когда забрали тебя без их разрешения.

– Ваши извинения ничего не исправят, – ответил мальчик. – Они не вернут Иосифа, которого вы убили.

– Это была досадная случайность.

– А натравить на Людвига и Гертруду тех одушевленных тоже была случайность? – Теперь он говорил зло и совсем не как двенадцатилетний мальчишка.

– Они бы лишь задержали вас…

– Они были темными. Вы учили меня, госпожа Бладенхофт. Я *видел*, чего они хотели. Не задержать. Убить. Вы всегда говорили мне, что нельзя контролировать этих существ. Они переиначивают приказы людей! Извращают их! Снеговиков следовало уничтожить сразу, как вы обнаружили их. А не отправлять за нами!

– Устами младенца, – пробормотал Йотан.

– Все причастные лица наказаны. Можешь мне поверить. Мы все же волнуемся за тебя. – Представитель Ордена Праведности ничуть не разочаровался отказу, так как был готов к такому ответу. – И хотим быть уверены, что с тобой все в порядке. Поэтому просим твоего разрешения, чтобы один из нас остался здесь, в Арденау, и приглядывал за тобой.

– Просите у меня? Не у магистров? – удивился мальчик.

– Мы не станем отказывать в этой просьбе уважаемым законникам. – По интонациям высокого Йотана было понятно, насколько он их «уважает». – Иначе они могут расценить это как недружественный жест. Решат, что мы что-то скрываем и мучаем тебя на занятиях больше,

чем следует. Но представитель Церкви считает, что решение должен принять ты. И если ты откажешь, так тому и быть.

Намек был понятен, и законница вскинулась, собираясь возразить, что ребенку подсказывают, как следует ответить, но Маркетте быстро коснулся ее руки и покачал головой. Не стоит все портить, говорил его взгляд.

Невзрачный посланник кардинала ди Травинно кивнул на невысказанный вопрос Эрика, подтверждая слова стража. Мол, решать только тебе.

– Я не хотел бы, чтобы вы были рядом! – выпалил мальчик и произнес гораздо спокойнее: – Но я не против, если вы будете приезжать раз в месяц и продолжать учить меня. В течение четырех-пяти дней. Это возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.